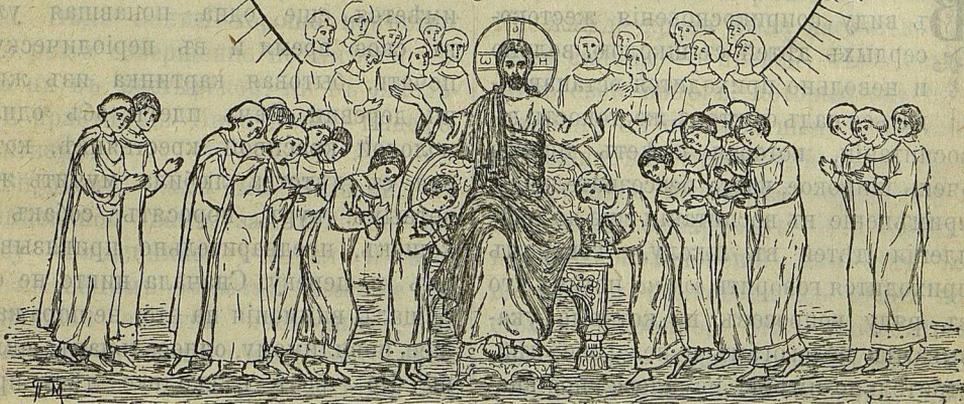
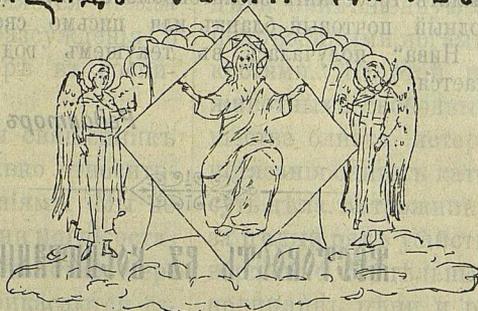

БОЖІА НИВА

СѢ ИЗЫДЕ СѢМІИ ДА СѢЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМНѢИ
НЕВРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕСѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕСНАГО.

Троицкіи Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

„БОЖІА НИВА“

въ 1905 году

съ Божіей помощью будетъ продолжаться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ текущемъ году.

По принятому порядку мы дадимъ 12 №№ **БОЖІЕЙ НИВЫ** и 12 книжекъ **ЗЕРНЫШЕКЪ** для дѣтскаго чтенія. Кроме того, въ будущемъ 1905 г. читатели „Божіей Нивы“, съ благословенія Московск. первосвященника, получаютъ *бесплатное* приложение въ видѣ книги подъ заглавіемъ: **БЕСѢДЫ О ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ**, которая въ отдѣльной продажѣ можетъ быть высылаема за 40 к. съ перес. Цѣна остается та же—1 р. въ годъ съ пересылкою.

Журналъ „**БОЖІА НИВА**“ одобренъ Училищнымъ Советомъ при Св. Синодѣ для выписки въ библиотеки церковныхъ школъ.—Епархіальные Училищные Советы могутъ вносить „Божію Ниву“ въ списокъ изданій, требуемыхъ ими изъ Училищнаго, при Св. Синодѣ, Совета за счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на школьныя библиотеки.

Подписка на текущий годъ продолжается. Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера съ приложеніями. Первый томъ **БОЖІЕЙ НИВЫ** (1—12 1902 г.), а также 2-й томъ (13—24 1903 г.) и 3-й, по истеченіи 1904 года (25—36) можно получить безъ переплета за 1 р. 10 к. каждый томъ, а въ колленкоромъ переплетѣ за 1 р. 75 к. съ пересылкою. **ЗЕРНЫШКИ** можно получать по 5 к. за книжку безъ пересылки и по 7 к. съ пересылкою, а при требованіи на 1 р. высылаются 20 книжекъ.

Во избѣжаніе задержки въ разсылкѣ журнала Редакція покорнѣйше проситъ г. г. подписчиковъ высылать требованія заблаговременно, при возобновленіи подписки наклеивать на переводный почтовый бланкъ или письмо свой печатный адресъ, подъ которымъ „Божія Нива“ получалась въ текущемъ году. Наложнымъ платежомъ журналъ не высылается.

Редакторъ Епископъ **НИКОНЪ**.

ЖЕСТОКОСТЬ ВЪ ВОСПИТАНІИ.

Въ виду соприкосновенія жестокосердыхъ дѣтей съ школою, вольно и невольно приходится останавливаться надъ фактомъ жестокости въ воспитаніи, которая имѣетъ иногда очень широкое, часто бессознательное, примѣненіе въ воспитаніи еще до вступленія дѣтей въ школу, — говоримъ приходится говорить *вольно*, потому что въ ряду вопросовъ, на которые указываютъ педагогамъ и педагоги, дѣйствительно имѣетъ немаловажное значеніе тотъ факторъ дошкольнаго періода, о которомъ мы говоримъ въ настоящей разѣ, — *невольно*, потому что печать нашихъ дней, указывая на ненормальное воспитаніе дѣтей въ дошкольный періодъ, бросаетъ по адресу тружениковъ — просвѣтителей деревни — священника и учителя упрекъ въ томъ, что они не считаютъ нужнымъ заниматься искорененіемъ жестокости въ дѣтяхъ и воспитаніемъ ихъ, а если и занимаются имъ, то самыми грубыми средствами — рекомендаціей розогъ жестокосердымъ дѣтямъ...

Въ той же статейкѣ, изъ которой мы заимствовали внушительные факты о „благопопечительной“ заботливости „просвѣщенныхъ“ родителей,

имѣется еще одна, попавшая уже въ свое время и въ періодическую печать, бытовая картинка изъ жизни деревни. Рѣчь идетъ объ одной молодой красивой крестьянкѣ, которая съ дѣтства любила мучить животныхъ: куръ, поросятъ, собакъ и кошекъ, предварительно привязывая ихъ къ дереву. Сначала никто не обращалъ вниманія на это, не поражавшее, повидимому, односельчанъ, явленіе. Но чрезъ нѣсколько лѣтъ пришлось вспомнить прошлое дѣвочки и погоревать надъ тѣмъ, что на нее не было своевременно обращено вниманіе. Дѣло въ томъ, что современемъ она попала на каторгу, потому что то самое, что она продѣлывала надъ пѣтухами, курами и поросятами, въ двадцать лѣтъ она продѣлала надъ четырехлѣтнимъ мальчикомъ, своимъ незаконнымъ сыномъ, то - есть, привязала его къ дереву и выломала ему ноги и руки... Говоря объ этомъ дѣйствительно возмутительномъ фактѣ, сообщающій присовокупляетъ къ нему и еще такую замѣтку: „что же было предпринято для борьбы съ пороками дѣвочки — будущей преступницы? Да ровно ничего. Зналъ ли объ этомъ

учитель, священникъ, староста, земскій докторъ? Если и знали, то вѣроятно не считали своей компетенціею заняться дѣвочкой и въ крайнемъ случаѣ предлагали:

— Выдрать ее хорошенько“...

Подобная замѣтка является *невольнымъ* поводомъ для разсужденія о жестокости, какъ факторъ въ воспитаніи...

Мы не думаемъ, чтобы священникъ и учитель могли безмолвно относиться къ подобнымъ явленіямъ. Мы не допускаемъ того, чтобы они могли оставить безъ разумнаго воздѣйствія черствую натуру, разъ соприкасаются съ ней. Вѣдь всѣмъ хорошо извѣстно, что розга совершенно не имѣетъ мѣста ни въ пастырской, ни въ школьной практикѣ... Иное дѣло—индифферентизмъ...

Впрочемъ, какъ мы сказали, въ выписанной нами замѣткѣ по адресу священника, учителя и врача мы видимъ *невольный поводъ* не для ненужной защиты послѣднихъ, но лишь для сужденія о жестокости, какъ факторъ дошкольнаго воспитанія дѣтей. А для послѣдняго немаловажное значеніе имѣетъ, между прочимъ, и только что приведенный на справку типъ тиранки-дѣвушки. И нужно замѣтить, что и этотъ, повидимому, исключительный типъ, не единственный въ своемъ родѣ. Годъ тому назадъ въ періодической же печати отмѣчался не менѣе выразительный, хотя и недоведенный до крайности, т. е. не переступившій за предѣлы увѣчья животныхъ, случай жестокосердія. Вотъ онъ. Одинъ крестьянинъ имѣлъ обыкновеніе загонять къ себѣ всѣхъ бездомныхъ собакъ. Давая имъ у себя пріютъ, онъ послѣ истязалъ голодныхъ тварей, изошряя свою изобрѣтательность по части придумыванія способовъ му-

ченія. Однажды жестокой истязатель придумалъ какую-то медленную пытку для несчастной собаки. Та начала вить на всю деревню. Собрались крестьяне къ дому мучителя—односельчанина: заглянули на дворъ и здѣсь увидѣли привѣшенную за ноги собаку съ подрѣзанными ногами, съ перебитыми костями... Къ этой исторіи истязанія животныхъ свободнымъ членомъ общества близка исторія подобнаго же истязанія однимъ каторжникомъ. Вотъ суть дѣла. Каторжникъ, приговоренный за цѣлый рядъ убійствъ, и убійствъ совершенно безцѣльныхъ, разъ ночью, подпиливъ цѣпи и рѣшетку, бѣжалъ. Но жажда крови была настолько въ немъ сильна, что прежде, чѣмъ совершить свой побѣгъ, который онъ подготовилъ съ невѣроятными усиліями, онъ зашелъ на кухню, гдѣ спала стряпуха, самое незлобивое существо, и немедленно ее зарѣзалъ, безъ всякихъ иныхъ поползновеній. Его тутъ же поймали и приковали къ стѣнѣ настолько прочно, что освободиться нельзя было никоимъ способомъ. Онъ занимался плетеніемъ корзинокъ, продавалъ ихъ за гроши. На эти гроши онъ покупалъ маленькихъ котятъ, которыхъ ласкалъ, приручалъ къ себѣ, дѣлился съ ними скудной пищей, а затѣмъ отрывалъ имъ головы. На укору, обращенные къ нему, онъ говорилъ:

— Не могу стерпеть, ваше благородіе. Хоть кошачью кровь, а пролить должонъ.

А священнику объяснилъ:

— Во мнѣ, батька, семь чертей спятъ, и ничего съ ними не подѣлать...

Мы отмѣтили лишь немногіе факты съ самаго близкаго поля зрѣнія. Тысячи подобныхъ-же фактовъ, такъ сказать, рождаются и замираютъ въ деревнѣ, таясь отъ всѣхъ любителей

гласности... А сколько знаетъ ихъ давняя и недавняя исторія, дающая въ начальныхъ біографіяхъ жестокихъ тирановъ—властителей біографіи жестокихъ дѣтей...

А вотъ вамъ подобная-же преступная жестокость уже и не взрослога, а ребенка. Въ половинѣ Сентября въ газетахъ ¹⁾ былъ сообщенъ, между прочимъ, слѣдующій ужасный случай, имѣвшій мѣсто въ селѣ Нагутскомъ, Ставропольской губ. Однажды крестьянка Дядюшкина ушла къ роднымъ, оставивъ трехнедѣльнаго ребенка въ люлькѣ. Когда она возвратилась, ребенка не оказалось нигдѣ—ни въ люлькѣ, ни подлѣ спящаго въ чуланѣ мужа. Въ поискахъ малютки, родители перерыли весь домъ. Опростили сосѣдей, но всѣ поиски, казалось, были напрасны. Въ это время ихъ пятилѣтній сынишка произнесъ: — Ляля плакала, а Вася (сосѣдскій мальчишкѣ 6¹/₂ л.) сказалъ:— „Брось Лялю въ колодець!“

Выкачали колодець и на днѣ его дѣйствительно, къ великому горю родителей и ужасу окружавшихъ, нашли ребенка.

Или вотъ еще примѣръ дѣтской жестокости. 18-го Сентября текущаго года въ Москвѣ, въ Лефортовѣ, поссорились между собою два мальчишка А. Дѣвѣ и Иванъ Воронинъ, 13 лѣтъ. Ссора скоро перешла въ драку и среди нея Воронинъ выхватилъ находившійся у него ножъ и нанесъ имъ Дѣву рану въ животь. Результатомъ такой жестокой расправы было то, что несчастный мальчишкѣ въ безсознатель-

номъ состояніи былъ отправленъ въ больницу. ¹⁾

Невольно вдумываешься въ смыслъ этихъ бьющихъ въ глаза явленій: отчего дѣвочка тиранка превратилась въ убійцу родного ребенка? Какъ можетъ услаждаться крестьянинъ страданіями извивающагося подъ его пытками животнаго? Откуда у каторжника такая жажда крови? Какъ въ головѣ шестилѣтняго мальчугана Васи могъ созрѣть преступный совѣтъ, преподанный пятилѣтнему сынишкѣ крестьянки Дядюшкиной, результатомъ котораго было то, что трехнедѣльный ребенокъ былъ брошенъ въ колодець? Чѣмъ вызывается въ сельскихъ ребятишкахъ желаніе подшибить ногу собаки сосѣда, пѣтуха, курицы?..

Разумѣется, причина всего этого заключается въ сознательномъ и безсознательномъ пробужденіи окружающею средою злыхъ инстинктовъ дѣтей—это съ одной стороны, а съ другой,—въ „сонливомъ“, равнодушномъ отношеніи взрослыхъ къ дикимъ инстинктамъ и забавамъ дѣтей и подростковъ.

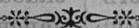
Здѣсь само собой дается понятная задача тѣмъ, коимъ ввѣрено дѣло просвѣщенія дѣтей—задача трудная и нелегкая, задача, требующая бережнаго отношенія къ той порѣ, когда еще не перейденъ дѣтскій возрастъ, когда мы говоримъ о нашихъ питомцахъ, что они „капризничаютъ“, когда еще въ нихъ нѣтъ чувства жестокости, которую приходится только безпомощно судить и осуждать въ людяхъ зрѣлыхъ лѣтъ...

¹⁾ См. напр. Русское слово 1904 г. 16 Сентября, № 258.

¹⁾ Русск. Сл. 1904 г. 20 Сент., № 262.

Димитрій Введенскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДУХОВНЫЙ ОБЛИКЪ НАШИХЪ ШКОЛЬНИКОВЪ ПО ВОЗЗРѢНІЯМЪ С. А. РАЧИНСКАГО.

Смиренно шествовалъ онъ трудною дорогой...
Стремясь къ сліянію съ народною средой,
Онъ въ ней обрѣлъ живую вѣру въ Бога
И полный красоты церковный строй...

Что значило то странное движеніе, овладѣвшее на время извѣстнымъ слоемъ нашей образованной молодежи, это хожденіе въ народъ, *коимъ не сумѣли овладѣть* ¹⁾, которое сумѣли только осмѣять благонамѣренные люди, и коимъ воспользовались люди благонамѣренные? — спрашиваетъ нашъ великій педагогъ-богатырь, С. А. Рачинскій, въ своей извѣстной книгѣ „Сельская школа“. — „Не темное ли, не искреннее ли стремленіе убѣжать отъ условій разлагавшагося ложнаго общественнаго строя? Не жажда ли заправскаго безкорыстнаго труда, нѣ полусознательная ли надежда обрѣсти въ средѣ грубой, но цѣльной — утраченную цѣльность мысли и духа?“ ²⁾

Эти знаменательныя слова, глубокое жизненное значеніе коихъ еще долго будетъ непонятно огромному большинству нашей интеллигенціи, мятущейся подъ гнетомъ матеріальной культуры — въ бесплодномъ исканіи живаго Бога и правды Божіей, проливають яркій свѣтъ на отношенія покойнаго педагога къ народу и его юнымъ представителямъ — дѣтямъ школьникамъ. Какъ извѣстно — С. А. Рачинскаго причисляютъ къ сонму славянофиловъ, давшему родинѣ цѣлый рядъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей на поприщѣ науки, искусствъ и общественной дѣятельности, и до сихъ поръ далеко не

утратившему свѣтлаго обаянія въ глазахъ истинно-образованнаго общества. Вспомнимъ хоть Аксакова, Хомякова, Достоевскаго, Кирѣевскихъ, Тютчева... Но это трафаретное причисленіе едва ли отвѣчаетъ дѣйствительности. — Рачинскаго, этого высоко-просвѣщеннаго, глубоко-русскаго, истинно-православнаго, самоотверженнаго дѣятеля, создавшаго самую *жизненную*, въ смыслѣ непосредственнаго и широкаго удовлетворенія запросамъ жизни, школу, черпавшаго свой глубокой опытъ изъ самой дѣйствительности, едва ли можно причислять къ какой-либо общественной группѣ, тѣмъ болѣе основанной на отвлеченныхъ началахъ. Для Рачинскаго тѣсны всякія партійныя рамки: онъ былъ самъ по себѣ „партія“, если можно такъ назвать глубокую жизненность его педагогическихъ взглядовъ и стремленій.

Несомнѣнно лишь то, что и самъ Рачинскій, до своей церковно-школьной дѣятельности, тяготился „условіями разлагавшагося ложнаго общественнаго строя“, возникшаго на западно-европейской почвѣ въ связи съ неблагопріятными условіями русской дореформенной жизни, и приведшаго въ концѣ концовъ къ необузданному отрицанію всего роднаго, даже подлинно-святого и прекраснаго. Чуткая, православно-русская душа его жадно рвалась къ народу, къ его цѣльному, хотя и безсознательному, міропониманію, рвалась не для того, чтобы „обрѣсти утраченную цѣльность мысли и

1) Курсивъ нашъ.

2) Сельская школа, стр. 274.

духа“, но чтобы углубить и укрѣпить непосредственнымъ общеніемъ съ народомъ свое чисто-русское, православно-религіозное отношеніе къ жизни въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Черезъ прикосновеніе къ первобытной народно-религіозной почвѣ онъ почувялъ необычайныя силы духа, и для обѣихъ сторонъ это любовное сближеніе имѣло глубокія благодѣтельныя послѣдствія. И въ самомъ дѣлѣ: съ первыхъ же шаговъ его ближайшаго знакомства съ народомъ, съ его цѣльнымъ религіозно-аскетическимъ укладомъ жизни, на него, европейски-образованнаго человѣка, вооруженнаго обширными и глубокими научными знаніями, повѣяло отъ народной души и жизни такой неувядаемой, чарующей красотой вѣры и духа, что онъ безъ малѣйшаго колебанія отдалъ народу всю свою жизнь, всѣ силы, всѣ знанія, показавъ намъ собою поучительнѣйшій примѣръ жизни во Христѣ, обнаруживъ предъ изумленными очами міра неисчерпаемое богатство русской души, понятой имъ съ ея лучшей стороны, въ лучшія мгновенія ея духовно-религіозной жизни.

Насколько это идейное служеніе народу отвѣчало стремленіямъ и духовнымъ чаяніямъ самого Рачинскаго, насколько оно удовлетворяло его великое сердце, полное любви къ ближнимъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ покойнаго церк.-школ. дѣятеля: „физическое утомленіе, неизбежное при напряженной работѣ въ многолюдной Татевской школѣ, съ избыткомъ вознаграждалось тѣмъ *душевнымъ отдыхомъ*, который я нашелъ на склонахъ *лѣтъ и силъ*,—такъ близко, такъ легко“.

Такимъ образомъ, С. А. Рачинскій ясно и наглядно доказалъ на

примѣръ собственной жизни великую христіанскую истину, высказанную девятнадцать вѣковъ тому назадъ устами Богочеловѣка: онъ взялъ на себя *иго Христа*,—бросилъ профессорскую кафедру, возложилъ на себя крестъ непосредственнаго служенія народу въ качествѣ церковно-школьнаго учителя и радостно, съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе убѣждался, что „иго Христово благо, и бремя Его легко есть“.

Понятно, поэтому, почему въ дѣтяхъ-школьникахъ умиляла его прежде всего цѣльность и нетронутость ихъ религіозной жизни, та „святая жажда вещей божественныхъ“, которая, въ большей или меньшей мѣрѣ, присуша всему Русскому народу, этому *христіанскому* народу по преимуществу, въ особое провиденціальное назначеніе коего Рачинскій глубоко вѣрилъ. Въ этой цѣльности и полнотѣ религіознаго сознанія великій педагогъ видѣлъ причину и залогъ духовнаго здоровья Русскаго народа, его будущее счастье—въ смыслѣ завѣтовъ евангельскихъ...

Начальная сельская школа, по взгляду Рачинскаго, „есть школа благочестія и добрыхъ нравовъ“. И это онъ признавалъ не въ силу какихъ-либо теоретическихъ построеній, но единственно въ силу духовныхъ запросовъ и требованій самого народа, требованій настолько ясныхъ и сильныхъ, что не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ ихъ подлинности и непреложности.

„Ученики въ этомъ отношеніи приносятъ съ собою въ школу нѣкоторый запасъ“,—пишетъ Рачинскій:—„запасъ весьма неясный и неполный, но вполнѣ цѣнный и прочный. *Во всякъ насажденъ живой зародышъ благочестія: истинное благоговѣніе передъ еще невѣдомою святыней, глубокое уваженіе къ*

1) Сельская школа, стр. 27—28.

знанію вещей божественныхъ, живое чутье красоты вѣдѣвшихъ символы богочитанія“.¹⁾

И немногіе умѣли такъ использовать эти сокровища души русскаго ребенка, какъ Рачинскій. У него сами ученики просили дополненій на утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, которыя совершались ими съ рѣдкимъ и постояннымъ одушевленіемъ. По разсказамъ очевидцевъ, учителя—помощники Рачинскаго, имъ самимъ воспитанные, поражали глубиной и сердечностью своихъ толкованій Евангелія, Псалтири и другихъ священныхъ книгъ и пѣснопѣній. Несомнѣнно, глубокое религиозное одушевленіе самого Сергѣя Александровича передавалось и его питомцамъ; но этого не могло бы случиться, если бы сами школьники не стремились всей душой къ религиознымъ знаніямъ. Рачинскій лишь пробуждалъ и развивалъ въ дѣтяхъ-школьникахъ то, что давно зрѣло въ глубинѣ ихъ души и съ неудержимой силой рвалось наружу.

Искренняя, неліцемерная, глубокая религиозность въ духѣ св. Церкви православной была цѣлью и главнымъ девизомъ всего церковно-школьной дѣятельности. Здѣсь онъ находилъ высшее утѣшеніе своей души, неизсякаемый источникъ величавой поэзіи, высочайшее духовное наслажденіе. Вспомнимъ его дивный разсказъ: „Школьный походъ въ Нилу пустынь“, его высокохудожественное, полное невыразимой, строго величавой поэзіи, описаніе величественнаго богослуженія въ Татевской церкви!

Съ неменьшею силой проникновенія покойный педагогъ-подвижникъ отмѣтилъ и другія особенности русскаго

народной школы, сложившіяся подъ непрестаннымъ и совершенно-законнымъ „давленіемъ снизу“, со стороны взрослога населенія деревни, кровно заинтересованнаго въ томъ, чему и какъ учать его дѣтей въ школѣ.

Прежде всего бросается въ глаза отмѣченная Рачинскимъ дѣловитость, выдержанность и серьезное, бодрое и жизнерадостное отношеніе крестьянскихъ дѣтей къ школѣ и ученію.— „Школа, въ которой ограничиваются четырьмя—пятью часами занятій, признанными достаточными педагогической наукою, считается плохую школою“,—говоритъ Рачинскій.—Это настойчиво обязываетъ нашу школу „къ увеличенію числа учебныхъ часовъ, и главнымъ двигателемъ тутъ являются сами ученики. Они приносятъ съ собою приобретенное въ семьѣ чувство ответственности за свои поступки, за свое время, сознание необходимости труда, напряженія своихъ силъ. Ихъ постоянное присутствіе въ школѣ, ихъ поистинѣ ненасытная жадность къ ученію волею-неволею заставляють всякаго внимательнаго учителя умножать число классныхъ занятій, въ особенности въ первой половинѣ зимы... Такое интенсивное ученіе не есть насиліе надъ дѣтьми, но уступка ихъ требованіямъ: они пришли учиться, и кромѣ школы дѣваться имъ некуда. Чтобы выжить ихъ изъ школы, буквально нужно погасить лампу“.¹⁾

„Поручите мнѣ,—сознается Рачинскій,—при тѣхъ же условіяхъ столько же дѣтей того же возраста, самого тщательнаго воспитанія, изъ самыхъ лучшихъ семействъ—и я черезъ недѣлю сошелъ бы съ ума!“²⁾

Эта удивительная работоспособность

¹⁾ Сельская школа, стр. 19.

²⁾ Сельская школа, стр. 27—28.

¹⁾ Сельская школа, стр. 268.

и дѣловитость, проникнутая такою бодростью и жизнерадостностью, не оставляетъ дѣтей-школьниковъ и въ дальнѣйшей ихъ жизни, когда они становятся, напримѣръ, учителями деревенскихъ школъ. Въ то время, какъ учителя изъ интеллигенціи въ большинствѣ только ноютъ и жалуется на свою судьбу, ожесточаются и хирѣютъ нравственно и физически, — учителя первой категоріи, молча и радостно, совершаютъ свое невидное дѣло, разнообразя его какимъ-либо ремесломъ или доступною отраслью хозяйства, и въ самомъ трудѣ находятъ обильный источникъ здоровыхъ наслаждений. Часто десятки лѣтъ тяжелаго школьнаго труда не въ силахъ поколебать ихъ душевнаго и физическаго здоровья, ослабить ихъ работоспособность, и они до самаго конца остаются равно жизнерадостными, просто и навивно-вѣрующими, людьми дѣла и труда... „Средній уровень способностей нашихъ крестьянскихъ дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ, вообще очень высокъ, — замѣчаетъ Рачинскій.—Способности эти разнообразны, но преобладаютъ замѣтно способности математическія и художественныя“¹⁾. Это отчасти объясняется дѣловитостью нашихъ крестьянскихъ дѣтей, очень рано знакомящихся съ практическою жизнью, а также и тѣмъ обстоятельствомъ, что они въ дошкольное время почти всецѣло находятся подъ вліяніемъ окружающей ихъ природы, и изъ близкаго съ нею соприкосновенія выносятъ множество яркихъ образовъ и впечатлѣній, которые просятся наружу... Достаточно вспомнить удивительно-образную рѣчь нашего простонародья, народныя пѣсни и обычаи и проч.

¹⁾ Сельская школа, стр. 20.

Наиболѣе яркою и главное—необходимую способностью нашихъ школьниковъ является способность педагогическая, вырабатывающаяся въ нихъ условіями ихъ семейной жизни. „На порогѣ сознательной жизни на крестьянскихъ дѣтей возлагается самая страшная изъ отвѣтственности—отвѣтственность за жизнь безпомощнаго, дорогого, но докучливаго существа, которое безъ ихъ постоянной заботы существовать не можетъ, — пишетъ Рачинскій.—Этотъ тягостный искусъ, возлагаемый на дѣтей, отражается на нихъ именно своею нравственною стороною,—оставляетъ въ ихъ душѣ глубокое чувство жалости къ безпомощнымъ и малымъ, и очень рано пробуждаетъ въ нихъ педагогическій инстинктъ. Поэтому почти во всякомъ изъ нашихъ школьниковъ есть педагогическая жилка, часто весьма сильная. Эта педагогическая жилка ведетъ и уже начинаетъ вести къ распространенію элементарной грамотности внѣ школьныхъ стѣнъ. Она обезпечиваетъ намъ тотъ громадный контингентъ дешевыхъ сельскихъ учителей, которые понадобятся намъ въ близкомъ будущемъ, и который не можетъ быть почерпнуть ниоткуда, какъ только изъ среды грамотнаго крестьянства“¹⁾.

По мнѣнію Рачинскаго, художественныя способности нашихъ деревенскихъ школьниковъ подчасъ бываютъ громадны. Проявляются онѣ преимущественно въ церковномъ чтеніи и пѣніи, а изъ искусствъ изобразительныхъ—въ живописи.

„Церковь открываетъ широкій просторъ скромной, но постоянной и благоговѣйной дѣятельности, умственной и художественной. Церковное чтеніе

¹⁾ Сельская школа, стр. 16—19.

есть искусство, имѣющее свои преданія, свои неписанные законы, искусство, требующее и природнаго таланта и многолѣтняго упражненія, искусство, которое можетъ быть доведено до высокой степени совершенства—самое популярное изъ искусствъ. Образовательное его вліяніе громадно. Хорошее церковное чтеніе предполагаетъ полное пониманіе читаемаго, т. е. съ формальной стороны—усвоеніе цѣлой системы слѣжныхъ и смѣлыхъ конструкций, съ внутренней—цѣлаго міра высокой поэзіи и глубокаго богословскаго мышленія“... „Только тутъ,—продолжаетъ Рачинскій,—на клиросѣ бѣдной деревенской церкви, въ общихъ стараніяхъ о дѣлѣ, не приносящемъ намъ никакой земной пользы, дано намъ нелицемѣрно чувствовать, дано намъ радостно сознавать, что *малограмотный крестьянскій мальчижъ не хуже, а лучше насъ, что не мы ему, а онъ намъ оказываетъ великое благодѣяніе*. Вѣдь по-церковному мы читаемъ плохо и въ церкви читать не дерзаемъ. Да и умѣемъ ли мы молиться такъ, какъ молятся крестьяне?“¹⁾

„Но еще большій просторъ истинно-художественной дѣятельности даетъ церковное пѣніе. Музыкальные задатки, столь распространенные въ народѣ, совершенно недостаточные для одиночной художественной дѣятельности, въ церковномъ пѣніи приобрѣтаютъ глубокой смыслъ, высокую цѣну, даютъ доступъ къ высшимъ сферамъ человѣческаго искусства“²⁾... „Тому, кто окунулся въ этотъ міръ строгаго величія, глубокаго паренія всѣхъ движеній человѣческаго духа, тому доступны всѣ выси музыкальнаго искусства, тому понятны и Бахъ, и Па-

лестрина, и самыя свѣтлыя вдохновенія Моцарта, и самыя мистическія дерзновенія Бетховена и Глинки“¹⁾. Эти художественныя способности, развившіяся подъ многовѣковыми вліяніями церковной жизни, толкаютъ лучшихъ изъ крестьянскихъ юношей, учителей церковныхъ школъ, къ поступленію въ духовное званіе, и это стремленіе, по мнѣнію Рачинскаго, вполне естественно и желательно. Духовенство нуждается для своего дальнѣйшаго духовнаго роста въ привлеченіи свѣжихъ соковъ изъ народа. А сколько пользы Церкви могутъ принести крестьянскіе юноши въ качествѣ учителей церковныхъ школъ, въ качествѣ чтецовъ и пѣвцовъ на клиросѣ!

Пристально всматриваясь въ духовныя особенности дѣтей-школьниковъ, Рачинскій съ удивленіемъ отмѣчаетъ въ нихъ особенную любовь къ рисованію.—„Въ крестьянскомъ обиходѣ,—говоритъ онъ:—не имѣется самыхъ элементарныхъ орудій рисованія, и въ сельскихъ школахъ не преподается даже черченіе. Но фактъ на лицо. Всѣ крестьянскіе ребята, какъ только имъ въ руки попадаетъ аспидная доска и грифель, начинаютъ чертить рисунки, болѣе или менѣе безобразные. Но пересмотрите сотни этихъ аспидныхъ досокъ, и вамъ попадутся рисунки, свидѣтельствующіе о способностяхъ несомнѣнныхъ. Повторяйте этотъ обзоръ въ теченіе многихъ лѣтъ, и вамъ будутъ попадаться вещи изумительныя“²⁾...

И это было не увлеченіе. Многие изъ бывшихъ питомцевъ Рачинскаго, какъ Богдановъ-Бѣльскій, сдѣлались потомъ извѣстными художниками. Онъ

¹⁾ Сельская школа, стр. 108.

²⁾ Тамъ же, стр. 109.

¹⁾ Сельская школа, стр. 109—110.

²⁾ Сельская школа, стр. 195.

первый угадывалъ въ неряшливой пачкотнѣ крестьянскаго мальчика будущаго художника и, благодаря своей горячей любви къ дѣтямъ и особымъ условіямъ своего общественнаго положенія, не давалъ ему заглухнуть въ глуши и неизвѣстности...

Если прибавить къ этому естественную любовь и способность крестьянскихъ дѣтей къ хозяйству и ремесламъ, не оставляющія ихъ даже на учительскомъ и другихъ поприщахъ, да еще умѣренность и практичность въ устроеніи личной обстановки жизни и въ пользованіи матеріальными благами, ихъ невзыскательность въ отношеніи житейскихъ благъ вообще, то духовныя особенности русскихъ дѣтейшкльниковъ, въ главномъ, будутъ выяснены. Способностей, и духовныхъ и другихъ, въ нашемъ народѣ—непочатый край. Нужны только внимательные, даровитые работники, которые поняли бы и сумѣли бы разработать въ должную сторону эти духовныя сокровища народнаго духа и дать имъ правильное и цѣлесообразное примѣненіе въ жизни. Но для этого намъ, стоящимъ на горѣ, на виду у „меньшихъ сихъ“, нужна особая цѣлостность и высота духа, нужна глубокая и нелицемѣрная ревность о дѣлѣ Божіемъ: иначе все ограничится простою „учебой“ и „дрессировкой“, и нравственная тьма попрежнему—черною тучею—будетъ висѣть надъ народомъ... Надобно помнить, что мы имѣемъ дѣло съ живой душой огромнѣйшаго и даровитѣйшаго изъ хрістіанскихъ народовъ, по природѣ своей—мягкаго, миролюбиваго, глубоко-религіознаго... Народу нужны прежде всего не мишурныя знанія, приводящія въ лучшемъ случаѣ къ улучшенію матеріальной обстановки жизни, но углубленная истиннымъ просвѣщеніемъ въра, разви-

тіе высшихъ религіозныхъ задатковъ, освѣщеніе всей жизни, во всей ея широтѣ и многообразіи, кроткимъ свѣтомъ ученія Хрістова. Если мы достигнемъ этого, тогда само собою достигнется и многое другое, для жизни необходимое.

„Это первенство религіознаго начала въ русской народной жизни“,—говоритъ Преосвященный Антоній, Епископъ Волынской, — „есть повсемѣстный русский законъ, въ силу котораго сохраненіе религіознаго и нравственнаго строя является самою главною причиною крестьянскаго благосостоянія, такъ что всякія иныя, даже наиболее разумныя мѣропріятія являются лишь вторичными и вспомогательными условіями послѣдняго“¹⁾.

Тоже отмѣчаетъ и Рачинскій.

„Большинство мальчиковъ, вниательно относящихся къ заданной темѣ („Какъ бы я хотѣлъ провести свою жизнь?“), нарисовавъ себѣ жизнь, соотвѣтствующую ихъ вкусамъ и наклонностямъ, заключаютъ ее отреченіемъ отъ всего мірскаго, раздачею имущества бѣднымъ,—поступленіемъ въ монастырь!—Да, монастырь, жизнь въ Богъ и для Бога, отверженіе себя,—вотъ что совершенно искренно представляется конечною цѣлью существованія недосыгаемымъ блаженствомъ—этимъ великимъ практическимъ мальчишкамъ. Монастыря они и не видали. Они разумѣютъ тотъ таинственный, идеальный, неземной монастырь, который рисуется передъ ними въ разсказахъ странниковъ, въ житіяхъ святыхъ, въ собственныхъ смутныхъ алканіяхъ ихъ души“²⁾...

Какъ глубоки и святы эти духовныя задатки русскаго школьника и

¹⁾ Духовенство и сельское хозяйство. Московскія Вѣдомости, 1904 г., № 218.

²⁾ Сельская школа, стр. 24.

какая страшная отвѣтственность падаетъ на тѣхъ, кому ввѣрено воспитаніе этихъ талантливыхъ, своеобразно-мыслящихъ и чувствующихъ мальчиковъ! Но не будемъ падать духомъ. За насъ—Богъ и Церковь Святая, у насъ—Рачинскій и свѣтлая плеяда его учениковъ и соратниковъ. Есть кому поддержать слабыя силы, есть у кого поучиться жизни и труду на пользу общую. И дай Богъ, чтобы росло и ширилось Божье дѣло, чтобы умножалась рать честныхъ церковно-школьныхъ тружениковъ, глубоко преданныхъ Церкви-Матери, свято и неуклонно идущихъ по своему невидному, но свѣтлому пути! Капелька по капелькѣ и составляются ручьи, а изъ нихъ рѣчки и многоводныя рѣки,— и всѣ они текутъ въ далекое, необъятное море. Тяжела мгла на землѣ

русской, блѣдны и слабы еще огоньки — школы, малочисленны онѣ въ сравненіи съ необъятной равниной Русской земли; горька и незavidна пока участь церковно-школьныхъ тружениковъ, не велики и матеріальныя средства школь,—но велика любовь, двигающая горами, великъ Богъ христіанскій, велика вѣра Русскаго народа и не далеко уже время разсвѣта, побѣды Божьяго дѣла надъ темными силами деревни, надъ вѣковымъ мракомъ и невѣжествомъ народнымъ. И ради этого святого дѣла—не жаль отдать жизни, не жаль пойти на муки, лишь бы оно росло и ширилось, и освѣщало родную землю! Свѣта, о братья,—побольше бы свѣта Христова,—легче было бы жить и дышать на землѣ!...

С. Нозубовскій.

СВѢТАЯ ДУША КРЕСТЬЯНИНА.

Миновалъ учебный годъ; наступило лѣто, а за нимъ и страдная пора для сельскаго люда; наработался народъ.... пора и отдохнуть. Отрадно на душѣ крестьянина: уродилъ Господь хлѣбушка вдоволь, запасъ мужичокъ и корму скотинушкѣ—своей кормилицѣ; теперь сельскій поселянинъ богатъ и доволенъ: надо Бога благодарить. И благодарить онъ Господа отъ всего сердца, воздастъ хвалу милосердому Творцу.... Теперь, съ уборкой полевой, сельскій людъ сталъ посвободнѣе,—можно и въ храмъ Божій ходить чаще. Наступилъ и сентябрь мѣсяцъ: хозяйство у мужичка управлено, надо подумать и о дѣтяхъ. И думаетъ крестьянинъ: „допрежъ старики неграмотные были,—люди темные,—теперь не то, нужна грамота:

за грамотнаго — двухъ неграмотныхъ даютъ; староста въ деревнѣ, али ино что—всѣ требуютъ грамотья“.... Вотъ, надумавъ свою думу, снаряжаетъ домохозяинъ своего сынка въ школу, приводитъ и просить, чтобы поучили его Мишутку, уму, разуму наставили, потому ужъ очень ему, Мишуткѣ-то, хочется „въ книжку“ почитать, и мнѣ-то „моль желательно его поучить“. Не то было прежде: рѣдко думали о грамотѣ, да если и думали, то—какъ свое желаніе исполнить?—и радъ бы поучить, да негдѣ... нешто, бывало, приходскіи клирикъ „Кудимычъ“ поучить Псалтири за мѣрку картофля, али сторожъ церковный „изъ отставныхъ“ помаракуетъ съ парнишкой на счетъ „букваря“. Не то время стало,—теперь не только грамотѣ, а тамъ и

дая насъ учить, книску дала съ кал-тинками холосою—я ужь-ее цитаю“... И начнетъ она матери читать, и от-куда что берется—инда мать въ слезу ударить отъ радости за грамотницю-дочурку. Конечно, сама-то она, мать, не грамотная, а ужь больно „гѣже“ читаеъ ея любимица-дочка—„я: то, глядя на нее, не нарадуюсь на старости лѣтъ“.... „Чего ужь тутъ въ одну зиму, а дай ка она еще зиму поучится“..... И долго такъ бесѣдуетъ людъ православный, дѣлясь своими радостями и впечатлѣніями..... А вѣдь грамота, да грамота, дающая возможность развить навикъ ко всему доброму, „божественному“,—это въ самомъ дѣлѣ кладъ для нашего поселянина, который еще далеко отъ городского разгула.... И любить же онъ свою школу, любить за то, что она служить притворомъ храма—вонъ того храма, что стоитъ на краю поселка.... А какъ красить общее благолѣпіе церковныхъ службъ участіе ребятишекъ-школяровъ въ день, на-примѣръ, храмоваго сельскаго праздника!

И много говорятъ поселяне о радости своихъ радостей—о своихъ дѣтяхъ-грамотеяхъ. Дѣло, кажись, простое, на первый взглядъ, но оно глубоко поразило и хумило простыхъ чуткія сердца поселянь. А дѣло-то въ слѣдующемъ: въ великій Господень праздникъ, особенно чтимый народомъ, — день Святителя Чудотворца Николая, особенно радостный, какъ день тезоименитства обожаемаго Монарха, день Царя-Батюшки—этого Радѣтеля и Отца-Покровителя приходскихъ школъ—Императора Николая Александровича—всѣ школьники, по благословенію своего батюшки, руководителя въ грамотѣ, пѣли всю Божественную Литургію въ храмѣ, а два избранныхъ школьника—довершали об-

щую духовную, торжественную картину праздника: они въ стихарикахъ читали „часы“, выносили свѣчи и подавали батюшкѣ кадило... Вотъ это-то не мало-важное обстоятельство и всколыхнуло мирную семью поселянь, и зашевелилась она—какъ въ дружной семьѣ муравейника. То-то была радость, столько было отобразено восторга на простодушныхъ лицахъ школьникова-дѣтей, а еще больше на лицахъ отцовъ и матерей. „Стояли они“, поясняетъ уважаемый на селѣ старецъ Иванъ Данилычъ—старожиль добраго стараго времени и свидѣтель новаго, — „посрединѣ перкви, въ рядахъ, чинно, какъ большіе: маленькіе впереди, а которые побольше въ заднихъ рядахъ—по росту, а позады ихъ ученицы-дѣвочки стоятъ не шелохнутся, а молятся и прислушиваются къ своему учителю“.—„А какъ запѣли,—восторженно вставляетъ другой,—такъ, индо, слезы пошли,—батюшка служить, а они поютъ и поютъ безъ запинки и „Иже Херувимы“ и „Вѣрую“ и „Отче“—ужь больно складно, да хорошо: такъ бы все и слушалъ, не ушелъ бы изъ церкви; а какъ кончилась „обѣдня“, то начали молебень и все-то они поютъ безъ книжки,—какъ, моль, умудрены... А послѣ обѣдни пошли ко кресту, одинъ за другимъ чинно, такъ, кажись, на нихъ все и глядѣлъ бы“..... „Сказываютъ, будутъ таперича завсегда пѣть въ церкви по праздникамъ, вечеръ баилъ отецъ-то нашъ Василій“, рассказываетъ односельчанамъ какой-либо поселянинъ, какъ бы желая успокоить тѣхъ, которые не слыхали пѣнія, почему-нибудь не бывши въ храмѣ въ этотъ день... И долго еще, иногда, послѣ праздничнаго богослуженія, слышится на улицѣ неумолкающій радостный разговоръ поселянь, обсуждающихъ на разные лады великое событіе, каковымъ

является дѣтское пѣніе школьниковъ, вносящее столько восторга, столько

неподдѣльнаго счастья въ жизнь сельскаго православнаго люда...

Свящ. В. Введенскій.

Изъ учительскихъ дневниковъ.

ВСТРѢЧА.

(Изъ дорожныхъ впечатлѣній).

Не можете служить Богу и маммонѣ. (Мате. 81, 24).

Поѣздъ N-ской узкоколейной желѣзной дороги длинной змѣйкой тянулся по пожелтѣвшимъ полямъ, облитымъ блѣдно-золотистыми лучами августовскаго солнца.

Прозрачныхъ облаковъ спокойное движенье,

Какъ дымкой, солнечный перенимая свѣтъ,

То блѣднымъ золотомъ, то мягкой синей тѣнью

Окрашиваетъ даль...

Въ вагонѣ третьяго класса, прикурнувъ къ стѣнкѣ, сидѣлъ блѣдно-одѣтый молодой человекъ лѣтъ тридцати

двухъ, съ блѣднымъ, но умнымъ и выразительнымъ лицомъ, и задумчиво глядѣлъ въ окна на мелькавшіе въ

нихъ виды. Вотъ — небольшое село съ бѣлой деревянной церковью на

пригоркѣ и съ домикомъ священника надъ небольшимъ, заросшим осокой, прудикомъ. Чѣмъ-то кроткимъ и сми-

реннымъ, чѣмъ-то грустнымъ и робко-ласкающимъ вѣетъ отъ низенькихъ

бѣлыхъ хатокъ, полузакрытыхъ вишневыми садиками, отъ невысокой деревенской церкви, отъ ровной, однообразной картины полей, окаймленныхъ съ

двухъ сторонъ лѣсами съ частыми просѣками по краямъ... Невольно вспоминалось чудное стихотвореніе поэта:

Бѣлыя березы, жидкія осины,

Пашни да овраги — грустныя картины!

Не пройдешь безъ думы — безъ тоски

Желой — мимо!

Что же къ нимъ все тянетъ такъ —

неодолимо?..

Поѣздъ въѣхалъ въ лѣсъ. Быстро замелькали въ окнахъ деревья, повѣяло лѣсной прохладой, колеса яв-

ственнѣ застучали по рельсамъ. Еще десять минутъ, и — вновь глянула въ

окна задумчивая ширь полей съ сѣрыми пятнами селъ и деревень, съ бѣлыми церквями на возвышеніяхъ, съ

небольшими прудиками и рѣченками, стыдливо и кротко выглядывавшими изъ-за густыхъ вербъ...

Въ вагонѣ, кромѣ молодого человека да нѣсколькихъ евреевъ, неугомонно тараторившихъ о своихъ „гешефтахъ“, никого не было. Время тянулось скучно и медленно.. Но вотъ послышался пронзительный свистокъ

локомотива; и въ окнахъ замелькали фабричныя трубы и зданія, — и поѣздъ, замедляя ходъ, подошелъ къ станціи.

Пашута (такъ звали молодого человека) вышелъ изъ вагона и, въ ожиданіи отхода поѣзда, гулялъ по платформѣ.

Тутъ же прогуливалась группа мѣст-

ной молодежи, зашедшей поглядѣть на поѣздъ. Слышались оживленный говоръ и смѣхъ. Особенно развязно держалъ себя прилично одѣтый молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати пяти, въ голосъ и движеніяхъ котораго Пашута уловилъ что-то знакомое...

— Маркевичъ! здравствуй, братъ!... — радостно вскричалъ Пашута, подходя къ молодому человѣку и увлекая его въ сторону. — Какъ поживаешь? Давно мы, братъ, не видѣлись!...

— Подожди, — смущенно забормоталъ застигнутый врасплохъ Маркевичъ. — Дай опомниться!... Вѣдь ты... въ такомъ костюмѣ?... Неловко, — посуди самъ...

— Э... что тамъ... неловко! Я знаю — тебѣ неприятно обнаружить передъ этими франтами знакомство со мной. Но это — въ сторону... Помнишь ли, братъ, наши долгія бесѣды въ зимніе вечера, когда ты учительствовалъ по сосѣдству со мной? А наши спѣвки? А экзамены?... Славное, горячее, живое было время!... Помнишь, какъ мы соперничали въ пѣніи на храмовыхъ праздникахъ въ нашихъ приходяхъ! А поѣздка въ Кіевъ? Ученики до сихъ поръ не могутъ забыть ее, — все вспоминаютъ... Какъ ты теперь устроился?... Гдѣ служишь?...

— Я служу псаломщикомъ въ мѣстномъ приходѣ. — Но войдемъ лучше ко мнѣ: поѣздъ не скоро еще двинется... Я давно уже бросилъ учительство, — продолжалъ Маркевичъ по дорогѣ къ своему домику, привѣтливо выглядывавшему невдалекѣ изъ небольшого садика изъ акацій, каштановъ и десятка фруктовыхъ деревьевъ. — Сначала мнѣ попался плохонькій приходецъ, — и я сильно бѣдствовалъ. Потомъ перевелся сюда и, какъ видишь, благоденствую. Приходъ здѣсь немногочисленный, но земли достаточно

и заводъ близко... Главное — общество есть; много барышень, молодежь, вечера, танцы, музыка... Здѣшній управляющій — нѣмецъ — устраиваетъ въ заводѣ электрическое освѣщеніе. Обѣщаетъ провести и въ наши домишки... Не правда ли, — роскошь?

Пашута шелъ молча и изрѣдка грустно поглядывалъ на товарища.

— А вотъ и моя „обитація“, — самодовольно воскликнулъ Маркевичъ, галантно приотворивъ дверь и приглашая Пашуту. Онъ уже забылъ „неприятность“ на вокзалѣ, и весь горѣлъ желаніемъ похвастать передъ „бѣднымъ учительшкой“ своей „шикарной“ обстановкой. — Одна мебель триста рублей стоитъ! Шутка сказать!... У меня даже помощникъ управляющаго бываетъ. Такъ — въ картишки перекидываемся отъ нечего дѣлать... Бросай, братъ, учительство да просись на приходъ. Ты вѣдь изъ духовныхъ? — Не вѣкъ же идеальничать, — пора и о себѣ подумать...

Оглядѣвъ „шикарную“ обстановку Маркевича, Пашута еще болѣе сжался и задумался.

— Жаль мнѣ тебя, братъ, — заговорилъ онъ наконецъ грустно. — Когда-то ты жилъ другими интересами...

— А теперь поумнѣлъ, — перебилъ Маркевичъ: — практичнѣе гляжу на жизнь, не корчу изъ себя благодѣтеля челоѣчества...

— Ну, это — одни отговорки. Никто и ничто не мѣшаетъ челоѣку жить по-Божьему, служить Богу и ближнимъ по мѣрѣ силъ и способностей... Не легко это конечно. Но кто понялъ высшую красоту добра, кому доступны святые восторги самоотверженія, тотъ не промѣняетъ свой истинный, хотя бы и тернистый, путь на пустыя приманки матеріальной жизни... Скажу тебѣ откровенно: мнѣ жаль твоихъ

молодыхъ порывовъ въ высь, къ небу, жаль тѣхъ хорошихъ чувствъ, которыя когда-то одушевляли тебя, звали на службу Богу, а не мамонѣ... Я не осуждаю тебя,—Боже сохрани! Но неужели въ тебѣ умерло все то хорошее, чистое, свѣтлое, чѣмъ ты такъ правился мнѣ раньше? Неужели все, прежнее угасло, увяло, поблекло?...

По лицу Маркевича пробѣжала тѣнь неудовольствія.

— Ну,—не совсѣмъ... Мнѣ лишь надоѣла вѣчная борьба съ карманной чахоткой, а народное просвѣщеніе я попрежнему глубоко цѣню и уважаю,—сухо проговорилъ онъ, и въ словахъ его послышалась скрытая насмѣшка.

— Понимаю, братъ. Карманная чахотка, это — еще полбѣды. Гораздо опаснѣе чахотка души, чахотка сердца... Горе человѣку, одержимому этой болѣзью!...

— Ну, оставь,—будетъ! Расскажи-ка лучше о своихъ школьныхъ занятіяхъ, о своихъ питомцахъ... Чай, всѣ они у тебя Галилеями да Ньютонами сдѣлались?!

— Да, братъ,—славные, у меня ребятки!—заговорилъ Пашута не замѣчая ироніи, и лицо его оживилось.— Двое уже окончили второклассную школу и учительствуютъ... Милые, сердечные хлопцы! Посмотрѣлъ бы ты, какъ они увлекаются своимъ дѣломъ, какъ любятъ дѣтей, какое пѣніе завели у себя въ школахъ!... А одинъ даже въ церковно-учительскую школу попалъ. Отлично учится!.. Я какъ-бы предчувствовалъ его судьбу, и особенно усердно занимался съ нимъ. Спасибо ему,—не забываетъ меня, не гордится... Башковитый парень!... Другой служить фельдшеромъ. Бѣда только: страдаетъ онъ сердцемъ... Да и то правда: горю народному конца-краю

не видать,—а онъ жалостливый такой, отзывчивый, сердечный!..

Долго еще рассказывалъ Пашута товарищу о своихъ питомцахъ,—о тѣхъ маленькихъ, но высочайшихъ радостяхъ, которыми жизнь изрѣдка даритъ скромныхъ школьныхъ тружениковъ; говорилъ о неизреченной красотѣ и властной правдѣ жизни по завѣтамъ Спасителя, въ полномъ отреченіи отъ мірскихъ благъ и соблазновъ,—и горячею любовью, свѣтлою вѣрой дышала его искренняя, отъ сердца къ сердцу идущая, рѣчь...

Маркевичъ съ изумленіемъ слушалъ товарища,—и въ душѣ его, пробужденной сердечнымъ словомъ, одно за другимъ просыпались лучшія, на время забытая, чувства и стремленія...

— Эхъ, братъ!.. Душа твоя, какъ свѣчка предъ иконой, горитъ предъ Лицемъ Божиимъ!.. Куда мнѣ за тобой!... Ты—подвижникъ! А меня крѣпко засосала тина болотная; не вырваться мнѣ изъ нея,—дудки!

— Не отчаивайся, братъ! Дѣлай, что возможно... Устроилъ ты здѣсь церковный хоръ?

— Устроилъ, но—маленькій... Поютъ неважно...

— А ты его улучши,—переработай... Наше церковное пѣніе, это — цѣлая сфера высокой дѣятельности, требующая всѣхъ силъ, всѣхъ способностей человѣка. А сокровища православно-христіанскаго богослуженія? Помнишь Пушкина:

Отцы-пустынники и жены непорочны,

Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,

Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,—

Сложили множество божественныхъ молитвъ...

Именно — божественныхъ!... Но эти

молитвы производятъ еще болѣе глубокое, болѣе потрясающее впечатлѣніе, когда онѣ соединяются съ прекраснымъ церковнымъ пѣніемъ. Последнее служить какъ бы дорогою оправой, чудной оболочкой для святыхъ картинъ и образовъ, полныхъ высочайшей поэзіи, силы и выразительности... Великое дѣло открыть эти сокровища народу, ударить по сердцамъ съ „невѣдомою силой“, вызвать сладкія слезы молитвеннаго восторга и вдохновенія!...—Но прощай, братъ! Надо спѣшить на поѣздъ... Отъ души желаю тебѣ сдѣлаться прежнимъ, „Божьимъ“ работникомъ... Въ твоемъ положеніи это совсѣмъ не трудно... Главное—не дай умереть душѣ,—остыть и окаменѣть сердцу... Не знаешь вѣдь ни

дня, ни часа, когда Сынъ Человѣчскій придетъ!...

Друзья обнялись.

Проводивъ товарища на вокзалъ и дождавшись ухода поѣзда, Маркевичъ вернулся домой. Ему было не по себѣ. Что-то властно говорило въ душѣ,— манило и звало въ далекую, свѣтлую даль... Припомнились былые, лучшіе дни, старыя, забытые порывы.. И чѣмъ глубже вглядывался Маркевичъ въ свою душу, тѣмъ ему дѣлалось все тоскливѣе и тоскливѣе...

„Нѣтъ, — надо опомниться, — такъ жить нельзя!“ — подумалъ про себя Маркевичъ,—и съ этого момента началась для него иная, лучшая жизнь...

С. Нозубовскій.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина¹⁾.

4 Февраля. Сегодня мною дочитана послѣдняя книга моей школьной библиотеки, присланной 23 сентября. Нѣкоторыя изъ книгъ ея я читалъ и раньше, еще будучи на школьной скамьѣ, но захотѣлось еще повторить. Читалъ я обыкновенно урывками, пользуясь всякою свободною минутой. Прочитавъ же извѣстную книгу самъ, я потомъ пускалъ ее въ ходъ и среди моихъ малышей, наблюдая по ихъ отзывамъ о прочитанномъ, какое вліяніе или впечатлѣніе производитъ на нихъ та или другая книга. И что же? Эти наблюденія показали мнѣ, что нѣкоторыя изъ книгъ или совсѣмъ неподходящи для дѣтей, или недоступны ихъ пониманію, т. е., попросту, — не по плечу, а иныя не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Можетъ быть, я и ошибаюсь, роняя своимъ мнѣніемъ авторитетъ книгъ

первыхъ двухъ категорій, но—повторяю, что я высказываю свое сужденіе на основаніи наблюденій, которыя постараюсь привести ниже.

Однажды я далъ ученику старшей группы сочиненія Пушкина—томъ, въ которомъ напечатанъ „Евгеній Онегинъ“, каковую книгу и получилъ обратно на второй же день.

Спрашиваю причину скорого возвращенія. Мальчикъ отвѣчаетъ:

— Тятка не велитъ эту книгу читать: въ ней, говоритъ, нѣтъ ничего занимательнаго, а только стихи какіе-то,—да и вправду читать какъ-то не понятно: написано тамъ про какія-то гребеночки, пилочки, щеточки (гл. XXIV).

Слыша подобный отзывъ, я невольно подумалъ: „значитъ молодой петербургскій повѣса (буквальное выраженіе Пушкина, гл. II) не сюда заѣхалъ: курная крестьянская изба оказалась

¹⁾ Продолженіе. См. съ № 8 по 34

для него — не петербургскій салонъ, гдѣ онъ кушалъ „ростбифъ окровавленный, и трюфли—роскошь юныхъ лѣтъ“, нѣтъ, здѣсь ему даже „капусты и съ хлѣбушкомъ кваса“ предложить не сочли нужнымъ, а просто вы проводили по-добру, по-здорову: „ступай, мошь, туда, гдѣ любятъ тебя смотрѣть, какъ ты по три часа передъ зеркалами время проводишь, а намъ любоваться тобою недосугъ“.

Другому ученику я далъ III томъ сочиненій Пушкина же и при возвращеніи слышу отъ мальчика: „я почти не читалъ этой книги?“

— Почему?! — удивился я

— Да когда я началъ, было, читать про „Барышню-крестьянку“, дѣдушка отнялъ у меня книгу, закрылъ и велѣлъ скорѣе отнести, даже выругалъ меня: „ты, говорить, еще щенокъ, а читаешь всякую непотребность“.

Слыша это, я, признаться, и сконфузился и испугался.

Сконфузился потому, что неопытно поступилъ, давъ ребенку то, что кажется приторнымъ порядочному и взрослому, а испугался потому, что какъ бы распространеніемъ среди народа этихъ романовъ и романчиковъ не подорвать авторитета школы. Въдѣ „дѣдушка“, слыша изъ устъ внучкашккольника слова: „барышни сходили по немъ (по Алексѣѣ) съ ума“ (стр. 168) и будучи неграмотенъ, могъ понять къ чему клонится сущность читаемаго. Описанія любовныхъ похождения разныхъ Донъ-Жуановъ не всѣмъ приходятся по вкусу; они чешутъ слухъ и пускаютъ пыль въ глаза только тѣмъ людямъ, которые страдаютъ зудомъ слуха и зрѣнія, а простой народъ нашъ, благодареніе Богу, еще не причастенъ симъ болѣзнямъ, а потому и прививать ему ихъ нечего.

А тѣмъ болѣе, сохрани, Господи, нашу церковную школу быть соучастницей этой прививки: пусть она учитъ читать священное писаніе и творенія Св. Отцевъ, а не Евгенія Онѣгина и другіе романы. Въдѣ мать этой школы есть Церковь, а посему и сѣмя ученія въ нихъ должно быть одинаково: въ Церкви нѣтъ Евгенія Онѣгина, не долженъ быть онъ и въ школѣ. Развѣ Церковь настолько бѣдна, что не можетъ дать своей дочери-школѣ матеріала для чтенія питомцамъ послѣдней? А Житія Святыхъ? а церковныя проповѣди и поученія? Развѣ это хуже „Барышни крестьянки“ и „Дубровскаго“?

Нѣтъ, романы должны быть исключены изъ числа книгъ церковно-приходской бібліотеки, какъ не согласныя съ духомъ и строемъ воспитанія ц.-пр. школы, ибо чтеніе романовъ, какъ поселяющихъ въ сердца чловѣка дурныя мысли и наклонности, признается безусловно грѣховнымъ и самимъ ученіемъ Церкви. Такъ, напр., въ катихизисѣ приснопамятнаго святителя Филарета Митрополита Московскаго въ числѣ грѣховъ противъ VII заповѣди находится и „чтеніе книгъ, въ которыхъ описывается нечистая плотская любовь“.

Впрочемъ, въ высказаннымъ желаніемъ—изъять изъ церковно-приходской бібліотеки книги романическаго характера, я отнюдь не утверждаю, что, кромѣ Священнаго Писанія, житій святыхъ и твореній Св. Отцевъ, не должно быть вовсе допускаемо что-либо изъ сочиненій свѣтскихъ писателей и поэтовъ. Есть и у Пушкина, и у Гоголя, и у другихъ ихъ собратьевъ по перу такія статейки, рассказы и стихотворенія, которые вполне пригодны и даже желательны для бібліотеки ц.-пр. школы, только ихъ нужно

выбрать изъ общихъ сочиненій ихъ авторовъ и напечатать отдѣльнымъ сборникомъ, наподобіе прекраснаго сборника стихотвореній подъ названіемъ: „Во славу Божию“ Оксенова.

Пишу я эти строки и думаю: „что если бы каракули мои какимъ-либо путемъ попали въ печать? Боже мой, какую бы навлекъ я на себя бурю негодованія со стороны людей, по милости которыхъ проникаютъ различные романы и романчики въ бібліотеки народныхъ сельскихъ школъ! Пронесутъ они имя мое яко зло; „самый—скажутъ—ничтожнѣйшій пигмей, червь, а не человѣкъ, проповѣдуетъ изысканіе безсмертныхъ твореній изъ народныхъ бібліотекъ, оустраненіе отъ вѣдѣнія Русскаго народа, посягая преградить „народную тропу“ къ памятнику незабвеннаго поэта, чтобы тропы эта заросла сорною травой и кустарникомъ“.

Но мнѣ кажется, я не умаляю своимъ мнѣніемъ достоинствъ произведеній Пушкина, но только, ссылаясь на слова приснопамятнаго святителя Филарета, величавый голосъ котораго заставлялъ и самаго поэта прерывать звонъ струны лукавой своей лиры, говорю, что для бібліотекъ нашихъ церковно-приходскихъ школъ и въ сочиненіяхъ Пушкина (да все равно и др. писателей и поэтовъ) „не все то золото, что блеститъ“. Почему, напр., не прочесть дѣтямъ стихотвореній Пушкина: „Птичка“, „Зимняя дорога“, „Пророкъ“ (съ разъясненіемъ учителя), „Монастырь на Кавказѣ“, „Кавказъ“, „Стансы (Митроп. Филарету)“, „Отрокъ (съ предвар. разъясн. учителя)“ и др. тѣмъ подобныя, съ здравымъ, такъ сказать, содержаніемъ; а то вѣдь предлагаютъ дѣтямъ такіа его произведенія, которыя писаны по признанію самого поэта „въ часы за-

бавъ и празднои скуки“. Такъ, напр., возьму стих. „Гусаръ“:

„Ну, слушай: около Днѣпра
Стоялъ нашъ полкъ; моя хозяйка
Была пригожа и добра,
А мужъ-то померъ; замѣчай-ка.
Вотъ съ ней и подружился я“...

Ужели это подходящее для дѣтей?

Или вотъ нѣсколько строкъ изъ „Руслана и Людмилы“:

„...И вотъ невесту молодую
Ведетъ на брачную постель;
Огни погасли... и почную
Лампаду зажигаетъ Лель.
Свершились милыя надежды,
Любви готовятся дары;
Падутъ ревнивыя одежды

На царградскіе ковры“.

А это уже и вовсе не дѣтское чтеніе... Могъ бы я здѣсь привести и больше примѣровъ, но за недостаткомъ времени ограничусь этими.

Итакъ, высылаемая въ бібліотеку церковно-приходской школы книга романческаго содержанія отнюдь не подходяща для дѣтей и должны быть удаляемы, какъ вредное сѣмя соблазна, воспрещенное ученіемъ матери школы—Церкви.

Къ числу лучшихъ книгъ нашей бібліотеки принадлежатъ: „Ученіе Свв. Оо. Церкви о Вѣрѣ и жизни хрістіанской“, „Свыше наказанные нарушители 10 Заповѣдей Божіихъ“, „Училище Благочестія“, „Житія святыхъ“, „Троицкія изданія“, сочиненія протоіерея Іоанна Наумовича и т. п. Я уже слышалъ много одобреній этимъ книгамъ и отъ мальчиковъ и отъ взрослыхъ грамотныхъ крестьянъ, да надѣюсь и впередъ услышать, о чемъ обязательно подѣлюсь и съ моимъ дневникомъ.

15 Февраля. Привыкъ я повѣрять своему дневнику все то, что таится у меня на душѣ. Неудача ли въ жизни постигаетъ меня, горе ли какое, разочарованіе ли въ чемъ, огорченіе ли—все это я спѣшу занести на его стра-

ницы, дѣлясь съ нимъ, какъ съ лучшимъ и единственнымъ моимъ собесѣдникомъ въ грустные часы житейскихъ невзгодъ и тревоженій.

Сидишь да выводишь каракули, безыскусственно обрисовывая свое, иногда дѣйствительно далеко незавидное, положеніе; обрисовываешь, а время между тѣмъ течетъ и течетъ незамѣтно... Пройдетъ одинъ-другой десятокъ минутъ,—возбужденное какой-либо неудачею тяжелое чувство грусти понемногу улегается, сердце успокоивается, умъ отрезвляется,—придумаешь какой-либо выходъ изъ своего труднаго положенія, занесешь и его на страницы дневника, и въ результатѣ попрежнему:

И вѣрится, и плачется,

И такъ легко, легко...

А иногда, благодареніе Создателю, приходится испытывать минуты и такой радости, какую и выразить на словахъ невозможно.

Такъ, напримѣръ, сегодня мнѣ, недостойному, пришлось испытать на себѣ эту радость, это духовное наслажденіе. Опишу все по порядку.

Вечеркомъ уже входитъ ко мнѣ въ каморку раскольникъ, вѣжливо приветствуетъ меня, начинаетъ благодарить, кланяется и крѣпко жметъ мою руку.

— „Спаси тебя Христось, родимый,—говоритъ онъ,—дай Богъ тебѣ добраго здоровья“

Я, еще не зная въ чемъ дѣло, смотрю на него молча и вопросительно.

Раскольникъ продолжаетъ:

— „Сынокъ-отъ мой, Васюкъ-то, вѣдь, псалтирь читаетъ, право слово, читаетъ! Первую зиму учится, а читаетъ... Вѣдь онъ, у меня, дорогой, одинъ-одинешенекъ, больше дѣтей нѣтъ. Бывало, когда еще онъ не учился, въ зимніе длинныя вечера сажу

я да горшки работаю, баба прядетъ, а въ избѣ-то тихо, скучно, ажъ тоска возьметъ, а нонѣ... на-ка, поди вотъ... Мы съ бабой-то работаемъ, а онъ,—ненаглядненькій,—усядется за столъ да и читаетъ тоненькимъ—то-о-ненькимъ голоскомъ: „Жи-и-выи по-мо-о-очи“ (Живыи въ помощи),—и раскольникъ постарался скопировать интонацію голоса своего „Васюка“, а потомъ продолжалъ:

— „А какъ ужъ мы-то съ бабой рады, какъ рады—и говорить нечего... Спаси те, спаси те Христось, милый; дай-тебѣ Богъ всего хорошаго“.

Когда раскольникъ кончилъ говорить, я взглянулъ ему въ глаза и увидѣлъ, что на нихъ дрожатъ слезы.

Радости моей не было границъ.

— „Что жъ тутъ особеннаго, что раскольникъ высказываетъ благодарность учителю за обученіе своего сына? Чему же здѣсь долженъ радоваться учитель?“—спросить, пожалуй, тотъ, кому доведется читать мой дневникъ.

Отвѣчаю: радуюсь я тому, что капля моего трудового пота упала на грубое, одебелѣлое сердце раскольника, упала какъ небесная роса на сухую почву, упала и размягчила это сердце, вызвала на глазахъ моего отпаднаго отъ Св. Церкви брата слезу благодарности и умиленія... А что стоитъ эта слеза, вызванная „ніконіаниномъ-учителемъ“ на глаза старообрядца,—это оцѣнить лишь тотъ, кто знакомъ съ враждебнымъ Православію духомъ раскола, кому извѣстна недоступность черстваго сердца закоренѣлаго „родителя старой вѣры“... Незнакомый же съ жизнію этихъ отщепенцевъ отъ Св. Церкви не сможетъ и оцѣнить этой слезы, не пойметъ и великой радости учителя...

1 Марта. Сегодня послѣ обѣдни я велѣлъ своимъ мальчуганамъ собраться въ школу. Они собрались. Я про-

читалъ имъ статейку объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости незабвеннымъ Царемъ-Освободителемъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ палъ жертвою злодѣйскаго покушенія на его жизнь, запечатлѣвъ свои великія дѣянія собственною кровію и присоединивъ къ славному имени Освободителя вѣнецъ мученичества. Послѣ чтенія я вызвалъ нѣкоторыхъ дѣтей изъ-за столовъ и сказалъ: „давайте, дѣти, помолимся за душу незабвеннаго Царя-Страдальца, даровавшаго намъ свободу“. И вотъ среди затихнувшаго класса раздались хотя не очень стройные, но сердечные звуки священной пѣсни: „Со свя-ты-ми упокой, Хри-сте, душу раба Твоего“, выводили мои малыши, крестясь и дѣлая поклоны... Мы, нѣкогда влачившіе тяжелое иго рабства, а теперь свободные, молились за душу того, котораго

....„слова—громодно ихъ значенье!—

Въ сердцахъ людей во вѣки не замрутъ:
„Сверши, народъ мой, крестное знаменье
И Божье призови благословенье
На честный свой и на свободный трудъ! 1)

Когда мои малыши запѣли „Вѣчную память“, я положительно не могъ удержаться отъ слезъ: какъ разъ противъ ребятъ на стѣнкѣ висѣлъ небольшой портретъ Царя-Освободителя и словно живой смотрѣлъ на насъ, освобожденныхъ имъ, на насъ, молившихся за его душу, — смотрѣлъ на этихъ курчавыхъ малышекъ, возглашавшихъ ему, своему Царственному Благодарителю, „Вѣчную память!“ Трогательныя и священные минуты!

Упокой, Господи, душу Его во Царствіи Твоемъ!

„Онъ зналъ народъ свой вѣрующій, сильный,
Онъ былъ съ народомъ—плоть одна и кровь,
Источникъ въ немъ кипѣлъ любвеобильный.
Жила въ немъ къ человѣчеству любовь“ 2)...

1) Яхонтовъ. 2) Тамъ же.

Учит. Е. Куликовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

У ПОРТРЕТА С. А. РАЧИНСКАГО.

...Иные, чистые,
Пути тернистые,
Обрѣтены...
Некрасовъ.

Какія кроткія и любящія очи!

Какая мысль горитъ на вдумчивомъ челѣ!

Онъ былъ намъ свѣточемъ любви во мракѣ ночи,

Онъ звалъ насъ къ правдѣ Божіей въ ненастной мглѣ...

Судьбою вознесенъ, онъ могъ бы жизнь земную

Пройти во славу, но онъ все презрѣлъ:

Оставивъ каеедру, избралъ онъ часть иную,

Иной спасительный, апостольскій удѣлъ...

Смирненно шествуя невидною дорогой,

Стремясь къ слиянію съ народною средой,

Онъ въ ней обрѣлъ святую жажду Бога

И полный красоты церковный строй.

Будимъ въ сердцахъ онъ лучшія стремленья,

Начала добрыя въ народѣ утверждалъ,
 И былъ завѣтъ его—надежда и терпѣнье,
 И самоотверженность—его былъ идеаль.
 И мiръ узналъ его!.. Но льстивою хвалою
 Онъ, чистый и простой, ничуть не дорожилъ:
 Не для похвалъ онъ шелъ тернистою стезею,
 Не для извѣстности трудился и любилъ...
 И нѣтъ его!.. Но свѣтлые завѣты
 Поборника церковной школы не умрутъ,
 Они взойдутъ въ „благопріятно лѣто“,—
 Обильный плодъ потомству принесутъ!

С. Козубовскій.

ПОСТЫ И ВХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

XXXV.

Монастырскія школы.—Школы при монастыряхъ Владимірской епархіи.—Достоинство этого рода школъ.

Извѣстно, какъ любятъ наши монастыри обвинять въ практической бесполезности для „міра“ и „служенія ближнему“. Въ недавнемъ спорѣ о сущности монашества эти обвиненія доходили до озлобленной брани по адресу всего современнаго монашества и до самыхъ крайнихъ искаженій монашескаго идеала и значенія монастырей. Въ числѣ предметовъ спора были и школы, при чемъ одни готовы были видѣть въ нихъ едва ли не главное призваніе и назначеніе современнаго монаха и требовали едва не превращенія монастырей въ школы и питомники для дѣтей; другіе справедливо видѣли въ этомъ немалую опасность для внутренней духовной жизни монастырей и позволяли лишь отдѣльное существованіе школъ при монастыряхъ и на иждивеніи ихъ, но отнюдь не въ самыхъ монастыряхъ и не въ качествѣ одного изъ обязательныхъ проявленій монашескаго званія. Последнее воззрѣніе на отношеніе школы къ монастырю едва ли можетъ быть достаточно основательно опровергнуто. Школа—школой, а монастырь—монастыремъ. Первая существовала и безъ послѣдняго, и послѣдній процвѣталъ безъ первой, имѣя предъ собою задачи, далеко превышающія значеніе задачъ школы. Какъ бы то ни было, существованіе школъ при монастыряхъ остается фактомъ и помимо неприванныхъ радѣтелей монашескаго подъема. И насколько эти школы умѣютъ дѣлать свое доброе дѣло, не отвлекая отъ монастыря присущія ему духовныя силы, достаточно можно судить по тому матеріалу, какой, на примѣръ, представляетъ Владимірская епархія, съ ея женскими монастырями и школами. На первомъ мѣстѣ въ ряду женскихъ монастырскихъ школъ слѣдуетъ поставить школу при Княгининскомъ Успенскомъ монастырѣ въ г. Владимірѣ. Школа эта создана стараніемъ настоятельницы монастыря игуменіи Маргариты и пользуется ея сердечнымъ попеченіемъ до настоящаго времени. Для населенія города Владиміра, осо-

бенно для низшихъ его классовъ и бѣдняковъ, школа является положительнымъ благодѣяніемъ. Здѣсь дѣвочки находятъ не только бесплатное обученіе съ даровыми учебными пособиями, но болѣе бѣдныя изъ нихъ получаютъ ежедневно даровой завтракъ и нерѣдко готовое платье. Поэтому вполне естественно, что, какъ только открылась школа, желающихъ учиться въ ней оказалось больше, чѣмъ она могла вмѣстить, и вмѣсто небольшого помѣщенія, первоначально отведеннаго для школы, пришлось строить новый обширный домъ. Домъ этотъ устроенъ исключительно стараніемъ матери-настоятельницы монастыря; въ верхнемъ этажѣ его нынѣ и помѣщается школа.

При Успенской школѣ имѣются еще руководѣльные классы, курсъ обученія въ которыхъ продолжается три года подъ руководствомъ особыхъ учительницъ (изъ монахинь) — специалистокъ своего дѣла. Ученицы систематически и основательно знакомятся съ вязаньемъ, вышиваньемъ, строчкой, шитьемъ и кройкой и по окончаніи курса не только успѣшно могутъ исполнять всѣ эти работы для себя и для своей семьи, но могутъ исполнять и по заказу работы верхняго и нижняго платья и бѣлья и этимъ трудомъ приобрѣтать себѣ средства къ существованію.

Во время занятій руководѣлемъ отчасти идутъ и учебныя занятія: ученицамъ читаются статьи религіозно-нравственнаго содержанія, историческія и географическія. Выборъ статей дѣлается учительницами одноклассной школы.

2. Школа при Успенскомъ женскомъ монастырѣ въ гор. Александровѣ во многомъ сходна съ Владимірскою школою. Устроена она стараніемъ настоятельницы монастыря игуменіи Евфрасіи и также пользуется ея сердечнымъ вниманіемъ и попеченіемъ. Для школы матерью-игуменей устроенъ особый деревянный домъ, но такъ какъ число ученицъ и здѣсь посте-

пенно и постоянно возрастало, то пришлось этотъ домъ расширить и вмѣсто одного устроить два класса и поручить занятія двумъ учительницамъ. Число учащихся и здѣсь возрасло до 80 дѣвочекъ; бѣднѣйшія изъ нихъ пользуются пособіемъ въ разнообразной формѣ изъ капитала, внесеннаго попечительницей школы.

На занятія руководѣлемъ и здѣсь обращено особенное вниманіе; подъ руководствомъ особыхъ монахинь дѣвочки занимаются разнаго рода руководѣльными работами, во время прохожденія курса одноклассной школы. Но съ прошлаго года организованы и отдѣльные руководѣльные классы для желающихъ изъ окончившихъ курсъ школы и постороннихъ дѣвочекъ. На первый годъ учащихся въ этихъ специальныхъ классахъ оказалось немного. Александровъ — сравнительно небольшой городокъ, а вблизи его находятся два крупныхъ фабричныхъ мѣстечка (Карабаново и Струнино въ 10 вер.). Эти фабрики отвлекаютъ дѣвочекъ, ибо онѣ тамъ имѣютъ уже небольшой заработокъ, а здѣсь должны въ теченіе 3 лѣтъ работать только для будущаго. Желающія спеціально обучиться кройкѣ и шитью стремятся въ Москву, которая находится въ 4 часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ г. Александрова. Но несомнѣнно, что со временемъ число обучающихся руководѣлю и здѣсь такъ же возрастетъ, какъ и во Владимірѣ. Когда увидятъ, что при монастырской школѣ можно научиться тому же, что и въ Московскихъ мастерскихъ, при томъ же внѣтѣхъ ужасныхъ условій, въ какихъ подготавливаются мастерицы въ Москвѣ, то и столичное обученіе для многихъ потеряетъ свою прелесть, и онѣ предпочтутъ учиться на родинѣ. Въдъ всякое новое дѣло развертывается во всю ширь не сразу.

3. Въ городѣ Переславль Залѣскомъ женская церковно-приходская школа имѣется въ Феодоровскомъ монастырѣ.

Монастырь этотъ находится внѣ города;

къ нему прилегають подгородныя слободки, населенныя потомками бывших монастырскихъ служителей Теодоровскаго, Горлицкаго и Данилова монастырей. Изъ этихъ слободокъ и близлежащихъ деревень набираются учащіяся въ монастырскую женскую школу. Но странно, что среди этого подгороднаго населенія еще не достаточно ясно сознается мысль о необходимости обучать въ школахъ и дѣвочекъ. Оттого нѣкоторые родители совсѣмъ не отдають своихъ дочерей въ школу, а иные берутъ ихъ изъ нея черезъ годъ или черезъ два, какъ только онѣ достаточно понаучатся читать и писать, и отдають на заработки въ мѣстныя кружевныя фабрики. Другая часть ученицъ—это воспитанницы монастыря или вѣрнѣе его настоятельницы игуменіи Евгеніи. Она принимаетъ въ монастырь на свое попеченіе сиротъ дѣтей, лишившихся родителей, родныхъ, вообще несчастныхъ, которыя погибли бы, если бы не нашли здѣсь себѣ пріюта; воспитываетъ ихъ до школьнаго возраста, обучаетъ въ школахъ, а болѣе способныхъ и въ женской прогимназіи. Большая часть ихъ навсегда и остается въ монастырь, исполняя разныя послушанія. Имѣющія хорошій голосъ поступаютъ въ монастырскій хоръ, а другія обучаются различнымъ изящнымъ рукодѣльямъ: плетутъ кружева, ткуть ковры, вышиваютъ золотомъ, серебромъ и т. п.

Школа при монастырь не такая многолюдная, какъ во Владимірѣ и Александровѣ; она не имѣетъ отдѣльнаго дома и помѣщается въ зданіи братской трапезы. Но и это помѣщеніе вполне удобное и для наличнаго числа ученицъ вполне достаточное; обучаетъ въ школахъ бывшая монастырская воспитанница, получившая образованіе въ женской прогимназіи.

Въ послѣдніе годы вокругъ Теодоровскаго монастыря, какъ его филиальныя отдѣленія, возникли три „пустыньки“. Возникновеніемъ и благоустройствомъ своимъ эти „пустыньки“ обязаны умѣнью матери-

игуменіи привлекать къ своей обители благодѣлателей. Благодѣлателями пожертвованы земельныя участки, даны средства для постройки на нихъ храмовъ и келій, а монастырь уже трудами своихъ сестеръ создалъ здѣсь небольшія обители и широко поставилъ сельское хозяйство. Среди этихъ сестеръ или послушницъ монастыря процвѣтають не только изящныя рукодѣлья, но и различныя ремесла: онѣ золотятъ, красятъ, оклеиваютъ обоями, обиваютъ мебель, плетутъ корзины, лапти, дѣлають горшки, кирпичи, обжигаютъ уголь, производятъ каменныя работы; онѣ исполняютъ всѣ сельскія работы за исключеніемъ тѣхъ, которыя требуютъ мужской силы; пожертвованные дѣла даютъ имъ массу грибовъ, ягодъ, орѣховъ. Такимъ образомъ эта многолюдная община кормится трудами рукъ своихъ.

Въ каждой „пустынькѣ“ устроенъ храмъ и опредѣленъ особый причтъ; при нихъ живетъ большее или меньшее количество сестеръ. При каждомъ храмѣ по инициативѣ матери-игуменіи устроены *одноклассныя церковно-приходскія школы*. Школы эти смѣшанныя для мальчиковъ и дѣвочекъ, потому что онѣ посѣщаются дѣтьми изъ ближайшихъ селеній, въ которыхъ нѣтъ начальныхъ училищъ;—въ одной изъ школъ (Берендѣвской) обучаетъ учительница изъ бывшихъ воспитанницъ Теодоровскаго монастыря, а въ двухъ другихъ, менѣе многолюдныхъ, обучаютъ мѣстные священники.

Такимъ образомъ, Теодоровская школа съ своими филиальными отдѣленіями въ „пустынькахъ“ является весьма многолюдною изъ монастырскихъ школъ епархіи.

4. Въ г. Муромѣ церковно-приходская школа устроена при Троицкомъ женскомъ монастырь. Стараніемъ настоятельницы монастыря игуменіи Персиды рядомъ съ монастырскою оградой устроенъ обширный каменный двухъ-этажный домъ, часть котораго и занимаетъ школа. Съ самаго начала школа переполнилась учащимися;

съ прошлаго учебнаго года она преобразована въ двуклассную; послѣ чего оказалось много желающихъ учиться и во второмъ классѣ. Всѣхъ учащихся въ прошломъ году было 133 дѣвочки, изъ нихъ во второмъ классѣ было 29 ученицъ; обучали въ школѣ двѣ учительницы съ двумя помощницами-практикантками.

5. Въ древнемъ городѣ Суздаль имѣются двѣ церковно-приходскія школы при монастыряхъ Покровскомъ и Ризположенскомъ. Эти двѣ древнихъ обители пользовались большою извѣстностью въ свое время, особенно первая. Она пріютила когда-то у себя двухъ невольныхъ царственныхъ инокинь: супругу великаго князя Василія Ивановича Соломонію и супругу Императора Петра Великаго Евдокію Лопухину. Въ настоящее время это скромныя небольшія женскія обители, жизнь коихъ мирно течетъ по обычному монастырскому укладу.

Школа прежде открыта при монастырѣ Ризположенскомъ или Преподобенскомъ (въ честь преп. княжны Ефросиніи, подвизавшейся въ немъ) стараніемъ настоятельницы монастыря игуменіи Серафимы, которой внесень и небольшой капиталъ (2000 р.) на содержаніе школы. Школа помѣщалась въ особомъ монастырскомъ зданіи, но два года тому назадъ монастырь посылало большое несчастье: нѣсколько монастырскихъ зданій было истреблено пожаромъ, въ числѣ ихъ сгорѣла и школа. Но школьныя занятія не прекращались: близъ монастыря былъ нанятъ особый домъ, гдѣ и велись учебныя занятія. Тѣмъ временемъ въ монастырѣ для школы устроенъ новый каменный домъ, который и будетъ отдѣланъ къ началу слѣдующаго учебнаго года.

Обучается въ школѣ до 50 дѣвочекъ; занимается учительница изъ окончившихъ курсъ въ Епархіальномъ женскомъ училищѣ. Обученіе рукодѣлю монахинями на время помѣщенія школы внѣ монастыря прекращено, но съ будущаго года, когда

школа перейдетъ въ новый монастырскій домъ, оно должно возобновиться и вестись систематически по примѣру другихъ монастырскихъ школъ.

Въ Покровскомъ монастырѣ школа существуетъ сравнительно недавно, помѣщается въ новомъ деревянномъ домѣ, специально для школы устроенномъ; обучалось въ школѣ въ прошломъ учебномъ году 46 дѣвочекъ; занятія ведетъ учительница изъ окончившихъ курсъ въ женскомъ Епархіальномъ училищѣ. Рукодѣлю обучаетъ особая учительница изъ монахинь; занятія бывають 2 раза въ недѣлю: дѣвочки учатся вязать, вышивать, шить и немного кроить.

6. Въ г. Юрьевѣ-Польскомъ школа находится въ Петропавловскомъ женскомъ монастырѣ. Монастырь этотъ расположенъ за городомъ, сообщеніе съ нимъ весною и осенью довольно затруднительно, но несмотря на это недостатка въ учащихся въ монастырской школѣ никогда не было; учащихся въ прошломъ году было 44 дѣвочки; учительница въ школѣ изъ окончившихъ курсъ въ женскомъ Епархіальномъ училищѣ, а учительница рукодѣля изъ монахинь монастыря. Рукодѣлье преподается только ученицамъ школы, специальныхъ же классовъ для него, какъ во Владимірскомъ монастырѣ, пока не организовано.

7. Въ г. Шуѣ женская церковно-приходская школа устроена при единоутреческомъ женскомъ монастырѣ. Хотя Шуя и богата начальными школами, устроенными на средства города, земства и фабрикантовъ, но желающихъ учиться въ монастырской школѣ ежегодно является больше, чѣмъ школа можетъ вмѣстить. Въ прошломъ учебномъ году здѣсь обучалось 60 дѣвочекъ, которыя съ трудомъ размѣщались въ двухъ небольшихъ классахъ. Учительница школы изъ окончившихъ курсъ въ женской гимназіи, и помощницей ея состоитъ одна изъ монахинь, съ полною сердечною преданностью несущая это по-

слушаніе. Она не искусна въ методахъ преподаванія, но вкладываетъ всю свою душу въ школьное дѣло и чрезъ то имѣетъ сильное вліяніе на дѣтей.

Хотя школа находится при монастырѣ единовѣрческомъ, но обученіе идетъ здѣсь такъ же, какъ и въ другихъ православныхъ школахъ. Вводятъ единовѣрческій элементъ въ обученіе Закону Божію, церковно-славянскому чтенію и пѣнію здѣсь не имѣется особыхъ основаній, потому что почти всѣ дѣвочки изъ православныхъ семей.

Въ учебно-воспитательномъ отношеніи эта школа производитъ очень пріятное впечатлѣніе, и если школъ чего недостаетъ, такъ это достаточно обширнаго помѣщенія. Въ настоящее время она помѣщается въ одномъ изъ монастырскихъ зданій, мало приспособленномъ для школы и довольно тѣснымъ. Со временемъ, вѣроятно, устроится и лучшее школьное зданіе. Монастырь только еще обстроивается: едва законченъ постройкою и отдѣлкою грандіозный храмъ, только что устроена обширная трапеза и больница. Средства благотворителей нужны пока еще для благоустройства самаго монастыря, но несомнѣнно придетъ благопріятное время и для школы.

Изъ этой бѣглой замѣтки (Владим. Епарх.

Вѣд. 1903 г. № 15) можно уже видѣть, что женскія обители Владимірской епархіи оказываютъ весьма значительныя услуги народному образованію: не одна сотня дѣвочекъ получаютъ первоначальное обученіе и воспитаніе въ монастырскихъ школахъ, а бѣднѣйшія изъ нихъ и матеріальное пособіе. Но не въ этомъ только количествѣ ученицъ заслуга монастырскихъ школъ, а и въ томъ специфическомъ отбѣнкѣ школьной жизни, какой создается близостію обителей. Тотъ духъ церковности, какимъ проникнута монастырская жизнь, невольно сообщается и школъ, особенно тамъ, гдѣ учительствуютъ послушницы монастыря; та дисциплина и особая выдержка, въ какой воспитаны сестры обители, кладетъ свой отпечатокъ и на учащихся въ школъ, на ихъ поведеніе, манеры и т. п.; даже та чистота и опрятность, какая царитъ въ монастырской кельѣ, отражается на школьной обстановкѣ, на внѣшности учащихся дѣвочекъ и во всѣхъ мелочахъ школьнаго дѣла. Вообще въ монастырской школъ въ большой степени достигаются тѣ воспитательныя цѣли, которыя должна преслѣдовать церковная школа; нельзя не пожелать, чтобы этихъ школъ было больше, насколько онѣ не помѣшаютъ прямымъ цѣлямъ и задачамъ монастырей.

Изъ періодической печати.

Школы и народныя чтенія въ борьбѣ съ пьянствомъ¹⁾.

Вопросы о матеріальномъ и духовно-физическомъ возрожденіи обездоленной деревни въ настоящее время составляютъ предметъ важныхъ заботъ правительства; вопросы эти всесторонне обсуажались въ особыхъ совѣщательныхъ комиссіяхъ, въ составъ которыхъ вошли преимущественно лица, призванныя руководить жизнью народа. Остается только пожелать, чтобы

благія начинанія правительства, при добромъ сочувствіи образованнаго общества, были дѣятельно проведены въ самую жизнь, не оставаясь мертвою буквою. Не останавливаясь подробно на мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ улучшенію быта многомилліоннаго русскаго народа, намъ хотѣлось бы остановиться на одномъ изъ главныхъ недостатковъ народной жизни, въ корнѣ подрывающемъ благосостояніе крестьянина и страшно его деморализующемъ,

1) Полт. Еп. Вѣд. 1904 г. № 27.

именно—на пьянствѣ и на способахъ борьбы съ этимъ зломъ. Составляя страшный бичъ вообще всего человѣчества, пьянство, какъ ржавчина, разъѣдаетъ здоровый организмъ и нашего отечества. Изъ отчета министерства финансовъ по казенной продажѣ питей за 1900 годъ видно, что въ 35 монопольныхъ губерніяхъ было выпито за этотъ годъ 33 милліона ведеръ вина и спирта на сумму 244 милліона руб. Приведенныя цифры достаточно краснорѣчиво говорятъ сами за себя, а если къ этой суммѣ присоединить еще сумму, полученную за продажу питей въ остальныхъ губерніяхъ, то получится такая уйма денегъ, что ею легко было бы осушить бездну человѣческаго горя, бѣдности и невѣжества. Цифры эти наглядно показываютъ, какое огромное количество алкоголя потребляется въ нашемъ отечествѣ, между тѣмъ какъ наука установила, что алкоголь разъѣдаетъ мозгъ народа, такъ какъ онъ представляетъ изъ себя сильный мозговой и нервный ядъ, преждевременно сводитъ въ могилу дѣляя тысячи людей, не говоря уже о томъ, что злоупотребленіе алкоголемъ служитъ главной причиной большинства совершаемыхъ преступленій. Неудивительно поэтому, что при такомъ вредѣ, какой вноситъ въ жизнь человѣческую алкоголь, государство помимо другихъ гуманныхъ побужденій, чисто въ видахъ самосохраненія, должно было вступить въ борьбу съ разлагающимъ ядомъ алкоголя. Въ настоящее время во всѣхъ культурныхъ государствахъ обращено серьезное вниманіе на борьбу съ спиртными напитками; всюду выступаютъ общества трезвости, проповѣдуя воздержаніе отъ алкоголя. Русское государство и общество также энергично взялись за искорененіе пьянства, и такъ какъ послѣднее развито преимущественно среди низшаго класса населенія крестьянъ и рабочихъ—то и дѣятельность ихъ направлена главнымъ образомъ въ эту сторону.—Однимъ изъ главныхъ и могущественныхъ средствъ противъ вреднаго вѣдѣнія алкоголя справедливо считается распространеніе грамотности и просвѣщенія. Въ выдающіеся педагоги свидѣлствуютъ объ этомъ, что нѣтъ такого порока, котораго не могла бы исправить школа и учитель, понятны при желаніи и любви къ дѣлу. Школа—основа всего: она даетъ то или иное направленіе мыслей и

характера; она является такъ сказать духовной студіей, въ которой художникъ—учитель дѣлать чудныя по своей духовной красотѣ статуи, даетъ имъ то или иное выраженіе и форму, съ которыми они вступаютъ въ жизнь. Какъ велико можетъ быть значеніе школы въ общественной и государственной жизни народа, это доказала нѣмецкая школа. Честь побѣды Германіи надъ Франціей въ 1871 году нѣмцы приписываютъ не нѣмецкому солдату, а нѣмецкому учителю. И для полной побѣды надъ страшнымъ врагомъ человѣчества—пьянствомъ нужно доброе влияние школы на массы народа. Но хотя просвѣщеніе въ нашемъ отечествѣ разлилось широкой волной, тѣмъ не менѣе, какъ видно изъ приведеннаго выше отчета министра финансовъ по продажѣ питей, потребленіе спиртныхъ напитковъ достигаетъ громадныхъ размѣровъ. Это обстоятельство нѣкоторымъ образомъ можетъ служить указаніемъ на то, что школы не стоятъ на высотѣ своего призванія въ отношеніи противодѣйствія употребленію спиртныхъ напитковъ, что въ нихъ недостаточно дѣлается внушеній ученикамъ о вредѣ спирта. Въ одной изъ самыхъ популярныхъ газетъ недавно была напечатана довольно интересная въ этомъ отношеніи корреспонденція изъ г. Курска подъ заглавіемъ: „Дѣти и алкоголь“. Корреспондентъ пишетъ: „Справочнымъ педагогическимъ бюро Курскаго губернскаго земства собраны недавно интересныя статистическія данныя о степени распространенія алкоголя среди учащихся въ народныхъ школахъ Курской губ. На предложенный справочнымъ бюро вопросъ—пьютъ ли школьники водку, отвѣтили 486 школъ; изъ этихъ 486 отвѣтовъ 369 утвердительныхъ и 117 отрицательныхъ. Такимъ образомъ оказалось только 23,9% школъ, ученики которыхъ не пьютъ, а въ болѣе чѣмъ 2/3 школъ „ученики пьютъ“. Такъ, одинъ учитель корреспонденту пишетъ: „Изъ всѣхъ 56 учениковъ, находящихся въ школѣ, только одинъ не знаетъ вкуса водки“. Только 10% всѣхъ учениковъ,—пишетъ другой учитель,—не пили водки“. На другой вопросъ справочнаго бюро—какъ часто случаются употребленія дѣтьми водки—большинство отвѣтовъ сводится къ тому, что подобные случаи довольно рѣдки и бываютъ въ такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, какъ праздники Рождества

Христова, Пасхи, дни престольныхъ праздниковъ, свадьбы и проч. Но есть и такіе отвѣты, которые невольно заставляютъ призадуматься. Такъ, одинъ учитель пишетъ: „Дѣти пьютъ при первой возможности; бываютъ случаи, когда покупаютъ водку на ворованыя деньги. Вообще,—заключаю корреспондентъ,—судя по собраннымъ педагогическимъ бюро даннымъ, можно судить что страшное зло—алкоголь пустило глубокіе корни и для борьбы съ нимъ нужны рѣшительныя и немедленныя мѣры“ (*). Вотъ коротенькая справка изъ официальныхъ данныхъ, по которымъ мы можемъ судить о вліяніи школы на борьбу съ алкоголемъ. Результатъ совершенно противоположный нашимъ ожиданіямъ. Такъ какъ дѣтскій возрастъ преимущественно предъ другими отличается легкой восприимчивостью, когда на неиспорченныхъ жизнію дѣтскихъ сердцахъ, какъ на мягкомъ воскѣ, отпечатлѣваются добрыя вліянія, то именно этой счастливой порой нужно дорожить, когда всего легче можно внушить дѣтямъ отвращеніе къ покурающему напитку.

Немало способствуетъ распространенію вредной привычки употреблять спиртные напитки невѣжество, а чаще непростительная небрежность по отношенію къ дѣтямъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда игнорируются спеціальныя свойства дѣтской природы. Всѣмъ извѣстно, что дѣти стараются во всемъ подражать взрослымъ. Это стремленіе въ дѣтяхъ къ подражанію замѣтно рѣшительно во всякой мелочи. Здѣсь уже само собою понятно, что доброе направленіе дѣтей много зависитъ отъ примѣровъ, которые они предъ собою видятъ. Но если вообще современная жизнь представляетъ мало примѣровъ для подражанія подрастающему поколѣнію, то особенно приходится пожалѣть о дѣтяхъ низшаго слоя населенія, гдѣ первоначально они бываютъ предоставлены самимъ себѣ. Въ наше время рѣдко какое торжество обходится безъ грандіозной попойки, особенно въ быту крестьянскомъ. Случилась ли свадьба, или другое семейное торжество, радостное или печальное, состоялась ли купля или продажа,—все это сопровождается обильными возліаніями, которыя въ большинствѣ производятся на виду у дѣтей. Тутъ разплываю-

щее вліяніе на подростковь ничѣмъ не парализовано, а при указанномъ стремленіи дѣтей къ подражанію у нихъ несомнѣнно является страстное желаніе скорѣе отвѣдать запрещеннаго плода. При такихъ обстоятельствахъ школа можетъ принести существенную пользу въ огражденіи дѣтей отъ употребленія спиртныхъ напитковъ. Легче предохранить дѣтей отъ пьяной заразы, чѣмъ лѣчить уже вѣввшуюся въ организмъ болѣзнь. Поэтому гораздо проще и дѣйствительнѣе начинать борьбу съ пьянствомъ со школьной скамейки. Необходимо только при каждомъ удобномъ случаѣ внушать дѣтямъ понятія о вредѣ пьянства; только указать дѣтямъ на то, что слабосиліе, худосочіе, разныя болѣзни, наконецъ самая страсть къ вину переходятъ отъ отца—пьяницы къ дѣтямъ его, какъ жалкое наслѣдіе, что сама природа жестоко караетъ пьяницъ за употребленіе напитка, нарушающаго правильное теченіе законовъ естества: по наблюденіямъ врачей большой процентъ больныхъ въ психіатрическихъ лѣчебницахъ и больницахъ для умалишенныхъ падаетъ на тѣхъ людей, которые злоупотребляютъ спиртными напитками. А сколько бы уменьшилось на бѣломъ свѣтѣ несчастныхъ случаевъ припадочныхъ, калѣкъ, идіотовъ—прямыхъ жертвъ алкоголизма! Можно быть увѣреннымъ, что живое убѣдительное слово наставника къ дѣтямъ во многихъ изъ нихъ вызоветъ отвращеніе къ ядовитому питью и надолго удержитъ ихъ отъ соблазна принимать дурманъ и тѣмъ сознательно убивать себя и свое потомство. Конечно, для успѣха борьбы съ алкоголемъ чрезъ посредство школы прежде всего необходимо сознание важности этого дѣла въ самихъ учителяхъ и знакомство ихъ съ школьной гігіеной. Но какъ ни благотворно можетъ быть вліяніе школы въ борьбѣ съ пьянствомъ, все таки при отсутствіи обязательности всеобщаго обученія грамотное большинство населенія еще долго будетъ оставаться внѣ школьнаго вліянія, къ тому же кратковременность школьнаго обученія, далеко недостаточна для того, чтобы стать дѣйствительнымъ оплотомъ противъ натиска вкоренившейся въ каки страсти къ употребленію спиртныхъ напитковъ. — Подготавливая подрастающее поколѣніе къ борьбѣ съ алкоголемъ, нельзя оставлять безъ воздѣйствія и взрослую часть населенія. Въ этомъ случаѣ на по-

(*) Биржевыя Вѣд. № 177 за 1904 годъ.

мощь школамъ выступили организованные обществами трезвости народные дома и бібліотека съ публичными при нихъ чтеніями, иногда сопровождаемыми хоровымъ пѣніемъ или звуками граммофоновъ. И дѣйствительно, отчеты комитетовъ о народной трезвости свидѣтельствуютъ о благотворномъ вліаніи народныхъ чтеній на массу населенія, указывая, что они отвлекаютъ народъ отъ пьянства, доставляя ему разумно-пріятное развлеченіе. Такому успѣху конечно слѣдовало бы только радоваться. Но чтобы народныя чтенія явились дѣйствительно надежнымъ средствомъ въ борьбѣ съ пьянствомъ, хотя медленно, но зато вѣрно дѣйствующимъ въ желаемомъ направленіи, слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы они представляли изъ себя не простое развлеченіе, а серьезную народную школу. Простой народъ во многомъ не привыкъ еще вникать въ глубь вещей и часто увлекается внѣшней показной стороною дѣла. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ остерегаться, чтобы успѣхъ народныхъ чтеній не былъ ложнымъ и чтобы они не являлись досужимъ развлеченіемъ, а составляли настоящую потребность народнаго духа. Простой народъ тамъ, гдѣ существуютъ эти чтенія, весьма характерно выражаетъ свой взглядъ на нихъ, называя ихъ „преставленіями“. Невольно возникаетъ вопросъ: такой взглядъ на чтенія не является ли въ понятіяхъ народа если не отождествленіемъ, то по крайней мѣрѣ сближеніемъ ихъ съ извѣстными ярмарочными балаганными „преставленіями“? А иначе откуда же народъ могъ перенести на чтенія подобное названіе; или быть можетъ въ этомъ сказалась привычка всякое зрѣлище называть „преставленіемъ“. Но въ томъ и другомъ случаѣ такая аттестація народныхъ чтеній вовсе нежелательна, такъ какъ она не соотвѣтствуетъ весьма важному просвѣтительному назначенію ихъ. Весьма вѣроятнымъ представляется и то, что такой взглядъ на народныя чтенія сложился вслѣдствіе неразборчиваго и неумѣлаго веденія ихъ, когда въ этихъ чтеніяхъ народу предлагается несоотвѣтствующая его запросамъ духовная пища, а по его взглядамъ совсѣмъ ненужное ему праздное развлеченіе. Слѣдовательно, чтобы придать народнымъ чтеніямъ больше авторитетности и увеличить ихъ популярность, необходимо позаботиться объ улучшеніи въ постановкѣ этого

весьма важнаго дѣла. Слѣдовало бы болѣе строго относиться къ выбору предмета чтеній. Въ этомъ отношеніи должна быть выработана особая программа, которая бы систематически вводила слушателей въ курсъ избраннаго предмета, разработаннаго примѣнительно къ умственному развитію слушателей и изложеннаго на доступномъ языкѣ. Къ потребностямъ жизни селянина не трудно приспособиться; онѣ отлично извѣстны каждому образованному человѣку и къ удовлетворенію этихъ жизненныхъ потребностей и должна направляться дѣятельность народныхъ чтеній. Народъ во многомъ страдаетъ отъ бѣдности матеріальной, а еще болѣе духовно-моральной. Много, безконечно много горя и страданій вносить въ жизнь простолюдина его страсть къ вину. Кому неизвѣстно, сколько разстраивается черезъ пьянство крестьянскихъ имуществъ, сколько въ пьяной свадкѣ погибаетъ человѣческихъ жизней, сколько происходитъ семейныхъ разладовъ, помимо того, что пьянство есть источникъ многихъ другихъ пороковъ. Невольно припоминается сказаніе объ одномъ подвижникѣ, котораго дьяволъ долго и бесплодно искушалъ совершить какой-нибудь грѣхъ и, наконецъ, смутилъ его сдѣлать одинъ изъ трехъ грѣховъ: напиться пьянымъ, совершить убійство или блудъ. Совершить послѣдніе два грѣха: убійство или блудъ показалось подвижнику страшнымъ, а напиться пьянымъ, по его мнѣнію, было маловажнымъ грѣхомъ, какъ это и теперь считается большинствомъ людей. И напился. Но въ пьяномъ видѣ онъ сдѣлалъ и остальные два грѣха: блудъ съ случившейся распутной женщиной и убійство мужа ея, который былъ свидѣтелемъ грѣха подвижника. Это сказаніе прекрасно объясняетъ тѣсную зависимость отъ пьянства другихъ пороковъ и преступленій.

Принимая во вниманіе страшный вредъ алкоголизма какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для цѣлага народа, нужно стремиться къ искорененію этого зла всеми возможными средствами, но главнымъ образомъ дѣйствовать на сознательно разумное отвращеніе къ алкоголю. Въ этомъ случаѣ и могутъ сослужить незамѣнимую службу народныя чтенія при надлежащей постановкѣ ихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ извѣстный періодъ времени при начальныхъ училищахъ устраиваются подобныя

чтенія, для чего имѣются и особые лекторы, преимущественно изъ среды учителей и учительницъ уѣзда. Чтенія въ большинствѣ сопровождаются демонстрированіемъ картинъ при помощи волшебнаго фонаря и привлекаютъ нерѣдко много слушателей; но кто посѣщаетъ эти чтенія, тотъ вѣроятно замѣтилъ, что главный контингентъ слушателей составляютъ дѣтѣ, которыхъ влечетъ сюда показываніе забавныхъ картинъ или же музыка и пѣніе. Для эстетическаго развитія дѣтей, конечно, и это очень важно. Но нужно заботиться и о привлеченіи въ составъ слушателей взрослой части населенія, а для этого слѣдуетъ читать не одни только дѣтскіе разсказы. Было бы весьма пѣлесообразнымъ раздѣлить чтенія для взрослыхъ на дѣтей, чтобы соответственно возрасту и потребностямъ его предлагать для чтеній особый матеріалъ. Нашъ народъ страдаетъ, напр., полнымъ незнаніемъ элементарныхъ правилъ гигиены, и потому съ великой пользой въ качествѣ лекторовъ могли бы выступить врачи. Наши земства могли бы для этой цѣли—популяризаціи гигиеническихъ знаній—имѣть особаго врача, специально занятаго этимъ дѣломъ, или же возложить эту обязанность на участковыхъ врачей. Такія чтенія несомнѣнно принесли бы населенію громадную пользу, которое въ несчастныя годы эпидемій гибнетъ цѣлыми сотнями и тысячами. Тогда бы не было въ тѣхъ печальныхъ явленій—какъ возмущенія и убійства

врачей и другихъ лицъ медицинскаго персонала, подозрѣвавшихся невѣжественной толпой въ отравленія питьевой воды и другихъ нецѣлостяхъ. А по отношенію къ главному своему назначенію, искорененію пьянства, публичныя чтенія представляютъ единственнымъ средствомъ, могущимъ принести благотворные результаты. Такъ какъ наглядное изложеніе предмета всегда имѣетъ преимущество предъ отвлеченнымъ, то для пользы дѣла великимъ подспорьемъ при чтеніяхъ могли бы служить ландкарты и рисунки, наглядно изображающія, напр., вредъ употребленія спиртныхъ напитковъ для человѣческаго организма. Въмѣсто того, чтобы показывать разныя безсодержательныя или грубо тенденціозныя картинки въ родѣ тѣхъ, какія, напр., демонстрировались въ школахъ Московскаго земства, какъ „Пугачевскій судъ“, „Вырѣзываніе ноздрей“, „Колодникъ въ время Екатерины“ и т. д., и другихъ подобныхъ при чтеніяхъ по новой отечественной исторіи (ревизія Московскаго земства), гораздо полезнѣе было бы при соотвѣствующихъ чтеніяхъ демонстрировать сердце живо печенъ здороваго человѣка и пьяницы и др. болѣе пѣлесообразныя для простолюдина рисунки. Словомъ, можно надѣяться, что народныя чтенія при надлежащей постановкѣ ихъ принесли бы населенію громадную пользу и явились бы могущественнымъ факторомъ въ борьбѣ съ алкоголизмомъ.

Священникъ Григорій Рудинскій.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

На страницахъ нашего журнала не однажды отмѣчалась уже беззащитная клевета нѣкоторыхъ органовъ печати на народныя школы, которыя дѣлаютъ свое дѣло въ духѣ завѣтовъ православно-русской Церкви. Подслушывая и подмѣчая въ своихъ обзорахъ современнаго школьнаго дѣла различныя явленія изъ жизни церковныхъ школъ и всюду находя въ этой, и только въ этой, школѣ темныя стороны, эти органы съ какою-то постоянною и упорною ненавистью ловятъ каждую фразу защитниковъ церковно-народныхъ школъ, каждое доброжелательное слово, которое „осмѣливаются“ произносить люди не ихъ лагерь и не ихъ взглядовъ. Не довольству-

Октябрь 1904 г.

ясь нападками на церковную школу, они нападаютъ и на всѣхъ тѣхъ, кто усматриваетъ хотя что-нибудь доброе въ этихъ школахъ. Такъ недавно въ „Отчетѣ“, касающемся дѣятельности церковныхъ школъ Глуховскаго уѣзда, субсидируемыхъ земствомъ, было высказано со стороны Глуховскаго земства слово одобренія по адресу церковныхъ школъ. Отмѣчая этотъ фактъ, „Русское Богатство“ (14) въ своихъ „случайныхъ“, но на этотъ разъ, конечно, уже не простое „случайныхъ“, замѣткахъ, не можетъ пройти молчаніемъ этой похвалы. Оно отводитъ въ своемъ журналѣ

1904 г. Сентябрь. Случайныя замѣтки.

мѣсто для замѣтки подъ общимъ заглавіемъ „похвала церковно-приходскимъ школамъ“. И находить эту похвалу (Глуховскаго земства), въ которой указывается нравственно-воспитательное значеніе церковной школы, ничтожной, смѣшной.. А между тѣмъ, казалось-бы, зачѣмъ негодовать на симпатію Глуховскаго земства къ доброму направленію церковной школы, когда, по заявленію Самарскаго губернскаго земства, охотно отмѣчаемому „Русскимъ Богатствомъ“, только 30 земствъ изъ 186 даютъ благоприятныя отзывы о церковныхъ школахъ?.. Зачѣмъ отнимать у дяди Власа собранныя его трудами мѣдныя, но все-же дорогія ему копѣйки, когда земскія школы давно награждаются рублями?.. А вотъ, видите ли, въ чѣмъ дѣло. Глуховское земство не только одобрило церковныя школы, но рѣшило передать одну „влачившую жалкое существованіе“ земскую (Слѣпородскую) школу въ духовное вѣдомство, послѣ чего эта школа процвѣла!.. И сколько негодованія изливаетъ по этому поводу „Русское Богатство“ (Русское ли?!), соперничающее съ „Міромъ Воляимъ“ въ составленіи памфлетовъ по адресу церковной школы! Какъ строгій инквизиторъ, оно допытывается и узнаетъ о причинахъ, по которымъ Глуховское земство одобряетъ церковныя школы. Оказывается, таковою причиною является рѣчь одного духовнаго представителя, который въ одномъ изъ земскихъ собраній сказалъ, между прочимъ, такую правдивую рѣчь: „робкими шагами, вся въ заплаткахъ и рубищахъ, вошла въ эту комнату церковная школа въ 1895 году. Но тогда уже на ея челѣ отражалась воспитательная идея, одушевлявшая ее.. И что же? Въ то время, какъ земства наши въ подавляющемъ большинствѣ увидѣли только эту бѣдность церковной школы съ формальной стороны и, просмотрѣвъ внутреннюю идею сей школы, сразу стали сами и поставили земскую школу въ положеніе антагонизма въ отношеніи къ церковной школѣ, наше Глуховское земство посмотрѣло на дѣло иначе... Оно, придавая внѣшней сторонѣ преходящее значеніе, офинило именно воспитательную идею церковной школы.“ Подчеркивая, затѣмъ, что Глуховское земство, вопреки, разумѣется, желанію „Русскаго Богатства“ и къ его огорченію, преклонилось предъ этою идеею, названный журналъ, не безъ задней мыс-

ли, отмѣчаетъ, не „скрытыя“, „Отчетомъ“, подробности о составѣ учителей Глуховскихъ церковныхъ школъ. Таковыми здѣсь являются „учителя второклассники“, „окончившіе народное училище“ и учителя „домашняго образованія“... Се люди!—читаетъ между строками, которыя не безъ удовольствія, думается, печатало „Русское Богатство“.. Вѣдныя жалкіе учителя и получаютъ то 60 рублей въ годъ! Какъ невыгодно звучитъ это въ аттестаціи церковныхъ школъ!..

Но да не смущаются этимъ труженики церковныхъ школъ: учителя школы Рачинскаго давно уже завоевали себѣ симпатію истинно-русскихъ людей. Почтенна и дѣятельность учителей и школъ—грамоты, которые выходятъ изъ лучшихъ учениковъ народныхъ школъ. Въ то же самое время, когда мы читали отмѣчаемую здѣсь замѣтку „Русскаго Богатства“, одинъ сельскій іерей съ чувствомъ особаго пастырски—отеческаго удовольствія рассказывалъ намъ о дѣятельности незамѣтнаго труженика школы грамоты, окончившаго курсъ въ его церковной школѣ¹⁾. Я и самъ лично зналъ этого учителя еще школьникомъ. Въ проношенныхъ сапогахъ, въ старенькой рубашонкѣ, подпоясанный тесемочкой, сидитъ онъ, бывало, въ школѣ на первой партѣ, внимательно вслушивается во все, что преподается въ классѣ и потомъ дѣлится своими знаніями съ менѣ восприимчивыми учениками школы. Еще у школьника—у него была своя школа, еще около мальчика—около него собирались ребятишки, а иногда и взрослые. И теперь—это рѣдкій примѣрный учитель, рассказывалъ намъ о немъ руководившій имъ пастырь. По внѣшности онъ почти тотъ-же, чѣмъ былъ и ранѣе—въ простыхъ сапогахъ, въ простой фуражкѣ. По прежнему онъ какъ будто нѣсколько даже неряшливъ для изысканныхъ вкусовъ, но все это потому, что онъ не принадлежитъ себѣ. Ребятишки постоянно съ нимъ: днемъ—на занятіяхъ въ школѣ, а вечеромъ—въ его каморкѣ, гдѣ и дѣлать съ нимъ часы досуга. И онъ всегда съ ними въ ситцевой рубашечкѣ, подпоясанной пояскомъ. Набиваются къ нему на квартирку иногда и взрослые и онъ со всѣми дѣлится сво-

¹⁾ Этотъ учитель трудится въ одной деревнѣ села А—ъ, верстахъ въ 15 отъ Сергіева посада.

ими знаніями, учитъ ихъ чтенію, пѣнію и чтенію его, особенно чтенію славянской грамоты,—это прямо таки примѣрные грамотей. Словомъ, выйдя изъ народа, имѣя его душу, и въ своемъ учительскомъ подвигѣ этотъ труженикъ старается расширить, облагородить, а не изломать эту душу... Зачѣмъ же клеймить такихъ учителей? Развѣ за то только, что они не имѣютъ дипломовъ, не надѣваютъ шляпъ...

Впрочемъ и не это только одно осуждаетъ „Русское Богатство“. Оно дѣлаетъ еще одну выписку изъ „Отчета“, гдѣ передается слѣдующее впечатлѣніе ревизовавшаго школы наблюдателя.

Однажды наблюдатель ѣхалъ ночью. Вдали видѣлся костеръ и слышалось стройное молодое пѣніе, но не совсемъ обычное: слышалось церковное пѣснопѣніе „Отъ юности моя мнози борють мя страсти“... „Нынѣ отпускаеши“ и пр. Оказалось пѣли крестьянскіе ребяташки—ученики Ястребской церковно-приходской школы, стережшіе въ ночномъ лошадей. Этотъ фактъ, по замѣчанію наблюдателя, показываетъ, что церковное пѣніе изъ практики чисто школьной переходитъ въ практику жизни и вытѣсняетъ обычную крестьянскую пѣсню чисто солдатскаго пошиба.

Развѣ не отраденъ, въ самомъ дѣлѣ, этотъ фактъ? Развѣ нельзя порадоваться тому, что на ряду съ разгубленнымъ пошибомъ современныхъ пѣсней вливается въ

народную среду и церковное пѣснопѣніе, занимающее поселянъ и ихъ дѣтей не только въ часы молитвеннаго настроенія, но и въ минуты досуга?!.. Но и это не нравится „Русскому Богатству“, которое съ отѣнкомъ сарказма называетъ эти успѣхи „крупными“... Но о вкусахъ, конечно, не спорять... Гдѣ же, однако, здѣсь терпимость, гдѣ та свобода, которую такъ любятъ воспѣвать многочисленныя пѣвцы либерализма?.. Открывай имъ всюду путь—дорогу, давай свободу... Но чтобы о чужой свободѣ, о чуждомъ ихъ вкусамъ развитію самобытнаго народнаго чувства ни гу гу!.. Задавать!.. Осмѣютъ!..

Заканчивая свою „случайную“ замѣтку, г. Абрамовъ, авторъ замѣтки „Русское Богатство“, заключаетъ: „хороша наша Аннушка! хвалить мать да бабушка“... Да, нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что при враждѣ и даже ненависти къ церковнымъ школамъ, она остается родною и дорогою тѣмъ, кто не одно столѣтіе вѣлъ Русскій народъ къ истинному свѣту и знанію... Вѣдь и „Русское Богатство“ разсчитывается, конечно, только на своихъ матерей и бабушекъ, когда оно преподноситъ своимъ читателямъ замѣтки, подобныя указанной нами и совершаетъ своеобразныя экскурсіи въ область дѣятельности церковныхъ школъ. Свое всегда познается своими!..

СОДЕРЖАНІЕ: Жестокость въ воспитаніи. *Димитрія Введенскаго*.—Духовный обликъ нашихъ школьниковъ по воззрѣніямъ С. А. Рачинскаго. *С. Козубовскаго*.—Свѣтлыя думы крестьянина. *Свящ. Ѡ. Введенскаго*.—Изъ учительскихъ дневниковъ. Встрѣча. (Изъ дорожныхъ впечатлѣній). *С. Козубовскаго*.—Листки изъ дневника учителя-крестьянина. *Учит. Е. Куликова*.—У портрета С. А. Рачинскаго. *Стих. С. Козубовскаго*.—Посѣвы и всходы. (Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).—Изъ періодической печати. Школы и народныя чтенія въ борьбѣ съ пьянствомъ. *Свящ. Г. Рудинскаго*.—Нашъ дневникъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 23-я (пять статей).

Редакторъ Епископъ НИКОНЪ.

Подписная цѣна на журналъ 1 р. съ перес.; выходитъ ежемѣсячно.

Печатать дозволяется. Виенанія: Октября 17 дня, 1904 года. Пензоръ, Ректоръ Виенанской Духовной Семинаріи, Протоіерей А. Бѣляевъ.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

За перемѣну адреса 25 коп.

АДРЕСЪ: Сергіевъ садъ, Моск. губ., въ Редакцію „Божіей Нивы“.